

Тухаринов И. Ю. «Секретный командарм».

Эта книга — повествование о первом командующем 40-й армии, вошедшей в Афганистан 25 декабря 1979 г. «Очень важно, что сегодня воины-«афганцы» свято берегут традиции фронтового братства, поддерживают друг друга и семьи своих боевых друзей... Воины-интернационалисты — солдаты, офицеры, генералы — честно и до конца выполнили свой воинский долг... Вместе с вами склоняю голову над памятью ваших товарищей...»

Президент Российской Федерации, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ
Владимир Владимирович Путин.

Часть I. Судьба русской семьи.

Часть II. Ветер «афганец» приносит суровые испытания.

Часть III. «Опаленные» войной (январь-август 1980 года).

Заключение.

Приложение.

Судьба русской семьи

«Если говорить в целом об афганских событиях, то можно со всей определенностью сказать, что достаточно выполнила поставленные задачи доблестная 40-я армия, которая по приказу своего правительства под командованием генерала Ю. В. Тухаринова организованно вошла в Афганистан и организованно, достойно вышла из этой страны под командованием генерала Б. В. Громова».

Эти слова Чрезвычайного и Полномочного посла России

Б. Пастухова приведены в предисловии к книге генерала армии М. А. Гареева «Афганская страда».

Глава 1.1. Афганский синдром

25 декабря 1979 года...

Начало военных событий с участием советских войск в Афганистане. Военный конфликт в Афганистане глубоко вошел в сознание нескольких поколений россиян и оказал сильное эмоционально-нравственное воздействие на человеческую психику, поменял общественные представления о добре и зле. Война и ее последствия раскололи нашу страну на несколько непонимающих друг друга группировок, переменили мировоззрение, внесли противоречия в развитие советского общества. Они обострились, когда послышались обвинения. Необдуманные, скоропалительные. Определяющую роль, к примеру, сыграли общественные высказывания ряда советских ученых деятелей. В них они обвиняли военное руководство, командование 40-й армии в развязывании войны в Афганистане 1979-1989 гг., в издевательствах над солдатами и их унижении...

Ошарашивающе прозвучали слова, высказанные в интервью одним из академиков о том, что будто бы руководство армии отдавало приказ на уничтожение своих же солдат, лишь бы только они не попали в плен к противнику.

Этот кощунственный бред явно шел вразрез с реальной действительностью, с правдой, которую знали сами солдаты и офицеры 40-й.

«Просто так, вслепую, не продумав всего, мы не проводили боевые действия, — боевые операции разрабатывались специально и утверждались высшим командованием, согласовывались. Тем более мы не оставляли и не бросали в бою солдат. Искали каждого, кто выбыл из боя. Искали и находили, хоть убитых, но выносили всегда», — утверждал в то время первый командующий 40-й армии генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов.

Его слова подтверждал и последний командующий 40-й армии Герой Советского Союза генерал-полковник Б. В. Громов:

«В частях Ограниченного контингента советских войск в Афганистане с первого дня действовал приказ о том, что ни один военнослужащий — контуженный ли, раненый или убитый — не должен был оставаться на поле боя. Все, в том числе и тела погибших должны были быть найдены и вывезены. За всю свою продолжительную службу в Афганистане я не помню случая, чтобы мы хоть раз оставили на произвол судьбы офицера или солдата. Порой возникали ситуации, когда для поисков военнослужащих мы были вынуждены даже возобновить боевые действия».

Общественная оппозиция, выступавшая против афганской войны, в которой участвовали советские войска не очень отчетливо представляла и понимала всю сложность конфликта. А тем временем он оказался мирового значения.

Впервые за многие десятилетия европейская страна, какой являлся Советский Союз, предприняла решительные действия по внедрению демократического правления с марксистской идеологией в отсталой мусульманской стране, которой являлся Афганистан.

Подобные шаги вызвали серьезное сопротивление среди экстремистски настроенной исламской части населения, как в Афганистане так и за пределами в мире, в Пакистане, Иране, на арабском Востоке. Существование экстремистского крыла в исламе было известно еще со времен зарождения христианства. Его история насчитывает тысячелетие.

Но советские политики не учли данное обстоятельство и недооценили сложность ситуации, посчитав, что социалистические законы возьмут верх над исламской верой. Ведь марксистская философия была по своему духу и декларируемой социальной ориентации близка мусульманскому дехканину (крестьянину). Вместе с тем, в данной восточной стране большинство населения еще не было готово к столь решительной революции в своих религиозных взглядах, отмене общинных устоев и отмежеванию от принятых вековых порядков частной жизни. Вторжение иноверцев вызвало обострение социально-политической обстановки в стране.

Подчеркнем, что европейское устройство государственной системы в Афганистане также не выдержало проверку временем. Через много лет после революционных преобразований и вывода ограниченного контингента войск, и с приходом талибов, Афганистан вновь стал возвращаться в лоно родоплеменных, религиозных устоев и порядков.

После уничтожения режима талибов наметились более приемлемые для народа Афганистана позитивные тенденции в развитии общества.

В начале 80-х годов XX века командиры 40-й армии были вынуждены исполнять роли не очень популярные у своего народа. Кадровые офицеры оказались заложниками существующей политической системы, желавшей продемонстрировать миру через афганский конфликт всю свою мощь и способность распространять свое влияние в различных точках планеты, в любых складывающихся условиях. В данном случае — заложить основы социалистического образа жизни в практически феодальном мусульманском обществе.

Внутренняя советская общественная оппозиция в лице многих известных деятелей страны, критиковала в первую очередь действия военных, Министерство обороны СССР, командование 40-й армии. После этих выступлений в народе, сложилось мнение, что афганскую войну якобы развязали именно советские войска своим вторжением в Афганистан. И как только они оттуда будут выведены, война прекратится.

История же показала, что советские войска были втянуты в развязанную гражданскую войну в Афганистане на стороне одной из ее внутренних группировок. 40-я армия стала игрушкой в руках политиков.

40-я армия встала на пути распространения наркотиков — этого важнейшего компонента деятельности бандформирований, традиционного источника доходов крупных земельных собственников. Тогда для СССР проблема распространения наркотиков еще не стояла так остро, как в последующее время. Например, в 2000 году от передозировки наркотиков умерло более 1000 человек, в основном молодого поколения. 70% этих наркотиков по происхождению — центрально — азиатские. Перекрытие транспортных путей распространения наркотиков было одной из задач советских воинских и милицейских формирований в Афганистане.

Голословными и клеветническими выступлениями многие общественные деятели нанесли огромный вред лучшим представителям армии, сильно ударили по ее престижу и традициям Вооруженных Сил. Нападки ударили не только по военачальникам, они рикошетом прились по семьям военнослужащих. В прежде крепком тылу у офицеров и генералов стало появляться непонимание, перешедшее позже в озлобленность.

Среди солдат, офицеров и генералов, проходивших службу в Афганистане в различных родах войск, в МВД, КГБ, других ведомствах, эти клеветнические заявления были восприняты с недоумением.

Стали нередкими случаи, когда среди военнослужащих, бывших «афганцев» нервы не выдерживали — происходило самобичевание, самоубийства. Порой свою боль они заглушали пьянством, наркоманией. В обиходе появился термин «афганский синдром». Гражданское общество трясло. Оставались сироты, вдовы, нарастала преступность.

Сам тезис борьбы против так называемого «вторжения», был выдвинут явно не «местной» «антисоветской демократией», так называемыми «советскими диссидентами», а взят на Западе, за рубежом, у руководителей тогдашнего антикоммунистического альянса. Но в собственной стране, те, кому положено было давать отповедь западным кликушам и правдиво освещать эти проблемы, почему-то отмалчивались. Были и те, кто панически боялся объективного отражения действительности. Средства массовой информации Советского Союза, увлеченные новыми веяниями «перестроенного периода» по серьезным темам отделялись некомпетентными, а подчас и просто безграмотными статьями, как плетью стегавшими сами свое же общество.

Остро переживала афганскую эпопею и семья Тухариновых, потому что связана была с этой проблемой очень тесно.

Юрию Владимировичу Тухаринову, первому командующему 40-й армии, было горько слышать в свой адрес обвинения. Его обвиняли чуть ли не в геноциде целого афганского народа, в проведении антинародных действий за хребтами Гиндукуша. Естественно, боевой генерал

переживал... Главное было в том, что он не мог ответить клеветникам как подобает, потому что находился на военной службе. Его работа была засекречена по вполне понятным причинам и собственные публичные выступления или написание статей полностью исключались.

В декабре 1979 года генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов, будучи первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа, с осени 1979 года являлся одним из тех, кто стоял у истоков создания 40-й армии, предназначенной для ввода войск в Афганистан. Затем он был назначен ее первым командующим, вводил войска в эту восточную страну. На его плечи выпала доля по разработке и практическому осуществлению операции по вводу соединений и частей, размещению войск на территории Афганистана. В течение 1980 года Юрий Владимирович отвечал за управление войсками, их боевую подготовку, вооружение, строительство военных городков, организацию медицинской, санитарной службы. Именно генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов занимал также в дальнейшем специальную должность — Уполномоченного Правительством СССР по делам советских войск в Афганистане. В военной практике редкий случай, когда один военачальник на себе нес такую огромную моральную и юридическую ответственность за состояние дел крупной группировки войск.

Эта нагрузка не могла не сказаться на здоровье Ю. В. Тухаринова. Будучи крепкого телосложения, высокого роста, с хорошо развитой мускулатурой, Юрий Владимирович стал иногда чувствовать недомогание, усилились боли в позвоночнике — давала о себе знать старая травма, полученная еще во время службы в Забайкальском военном округе. Стало беспокоить и зрение. Как-то, просматривая в бинокль местность, на которой находился противник, он вдруг отметил что, изображение накладывается друг на друга. Закрыв глаза, открыл. «Может быть кажется?!» — подумал он.

Нет, оказывается нервные окончания левого глазного яблока пострадали от перенапряжения и оно иной раз начинало смещаться к виску, тем самым нарушая ясность видения. Пришлось приспособливаться и к этому состоянию прищуривать левый глаз.

Нервы были на взводе круглые сутки. Армия непреднамеренно втянулась в боевые действия и стала нести безвозвратные потери. Командование стало понимать, что судьба подставила их под огонь с двух сторон: в лицо бьет противник — моджахед, а в спину — внутренняя оппозиция в собственной стране, которая стала обвинять военных в развязывании войны на чужой территории.

Оставалось одно — делать все возможное, чтобы сохранить жизнь молодых ребят — солдат, сержантов, офицеров, выполнявших свой воинский и интернациональный долг, долг патриотов, одновременно уделяя еще больше внимания вопросам боеготовности войск. Для этого надо было настойчивее проводить постоянную учебу, ежедневные занятия и тренировки, усиливать специальную подготовку личного состава на территории Туркестанского военного округа перед отправкой его в ДРА, более тщательно вести разведку перед началом военных действий.

В Афганистане среди командного состава национальной афганской армии, поддерживавшей кабульский режим, бывали случаи предательства и передачи планов военных действий советских

войск моджахедам. Поэтому нередко со стороны последних происходили неожиданные нападения на подразделения и части 40-й армии из засад. Мельница войны человеческие жизни не жалела.

Серьезной проблемой, осложнявшей боевую деятельность армии, являлось отсутствие в ее составе горно-егерьских формирований. Кадры, поступавшие в ДРА из Союза, мало были готовы к военным действиям в горах, в холоде и жаре. Всему этому они были вынуждены обучаться уже в ходе войны в условия Афганистана. Эти обстоятельства диктовали командованию 40-й армии требования по повышению внимания к вопросам боевой подготовки соединений и частей.

Командующий армией генерал Ю. В. Тухаринов постоянно находился в Афганистане. Не часто выдавался случай слетать в Ташкент на доклад к командующему войсками округа. Но, если случалось, обычно пребывал там не более двух дней. Тогда, выкроив паузу, удавалось отдохнуть дома, в семье, побыть немного в тишине и спокойствии у семейного очага.

Но дома тоже не все было просто. Семья очень за него переживала. У его жены — Людмилы Петровны обострялись болезни, все чаще она принимала лекарства.

За короткими передышками следовали напряженные будни. И долг снова звал командира Ю. В. Тухаринова к его подчиненным «за речку».

«Мы, военные, во многом благодарны женщинам, милым женам, подругам, любимым и просто знакомым, за их теплоту и сочувствие, участие, а иной раз самопожертвование ради важного, только им известного, божественного, внутреннего порыва чувств...»

Глава 1.2. История семьи — история государства

Понимая всю сложность военной обстановки на мусульманском востоке, в каком окружении находилась вверенная ему армия, генерал Ю. В. Тухаринов непроизвольно вспоминал события, происходившие в послевоенной Европе 50-х годов: в Германии, Венгрии, затем 68-й год в Чехословакии. Там происходило утверждение советского влияния с применением военной силы. Теперь вот Афганистан.

Вспоминались родные места — север России, далекий город Киров (Вятка), откуда происходила семья Тухариновых.

И хотя детство и отрочество не были безоблачными, как и у многих его сверстников, он все же находил в них то сокровенное, что вселяло в него уверенность, придавало силы в трудной армейской работе...

Ю. Тухаринов помнил слова отца о том, что советская власть не есть что-то абсолютное, что и ее время может закончиться. Но в это Юрий Владимирович не хотел верить. Впрочем, он и сам видел еще с детства, что советская власть может быть жестокой. Дело в том, что суровая жизнь прошла по семье, как каленым мечом.

Вот что вспоминал Юрий Владимирович: «...Было это в 1940 году летом, ближе к сентябрю. Анна Николаевна Тухаринова, моя мать, получила разрешение на посещение своего мужа, Владимира Алексеевича, находившегося в Воркутинском Гулаге, осужденного по 58-й статье (политической). Воркутинский Гулаг входил тогда в систему северных лагерей под названием «Северный путь». Сборы были недолгими. Упаковав новые носильные вещи для мужа, взяла она свои знаменитые сухарики с сахаром. Долго раздумывала брать ли с собой меня в это столь необычное путешествие.

Анна Николаевна подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. На нее смотрели ясные круглые глаза на лице с правильными чертами. Она внимательно осмотрела свою фигуру — высокую грудь, стройные ноги.

В глубину души закралась тревога: «Наверно надо взять с собой пацана — ведь уже четырнадцатый год пошел и ростом вымахал под стать маме. Вдвоем безопаснее, да и сподручнее...».

Так Юра совершил свое первое дальнее «путешествие» в Воркутинский Гулаг из северного города Кирова.

«Как же это произошло, что его отца арестовали?» — Задавался позже не раз он вопросом. Но ответа не находил, так как много не понимал. Ему, как и другим людям, было непонятно — каким образом должно было существовать общество, если Советская власть бросила в лагеря таких как его отец.

Арест Владимира Алексеевича был произведен по сфабрикованному доносу, связанному якобы с политической неблагонадежностью. Реабилитировали же его полностью посмертно, только в 1992 году, после известных событий в обновленной России. Политическая неблагонадежность, по мнению органов НКВД, могла брать свои истоки от предков Тухариновых. Ведь их род был одним из известных в г. Кирове (г. Вятка) и своими корнями уходил к началу XIX века. В семье были видные вятские купцы, владельцы гостиниц, кузниц, домов и больших земельных городских участков, и, значит, «потенциальная опора буржуазной оппозиции» в стране, подлежащей репрессированию. Но даже тогда, когда после Октябрьской революции все это отобрали и экспроприировали, Тухариновы не выступали против Советской власти, а относились к революционным порядкам с выдержкой, наблюдая, что же предложит новое общество семье, которая являлась плотью от плоти русской, вятской семьей.

В конце 20-х годов частную кузницу деда закрыли — последнее нэповское дело — предложили идти на завод, работать на благо всего общества.

Владимир Алексеевич после возвращения с германского фронта первой мировой войны, некоторое время работал в охране предприятия, милицейском формировании. Затем, перешел работать в строительную организацию, благо в свое время закончил гимназию, что позволило ему осваивать гражданское строительство.

В 1937 году началась очередная волна арестов среди интеллигенции и руководства страны. Не обошла эта кампания и г. Киров, Кировскую область (в 1934 г. Вятка была переименована в г. Киров, в честь советского руководителя С. М. Кирова). Тысячи кировчан, как и миллионы других советских людей в конце 30-х годов один за другим или целыми группами неожиданно для себя оказывались в застенках многочисленных тюрем и КПЗ, за зловещими рядами колючей проволоки суровых северных лагерей в Сибири, на Колыме, Камчатке, в Воркуте, в Средней Азии и Казахстане.

А ведь в первые годы после революции и гражданской войны в Вятской губернии, как и в целом по стране, были годами больших надежд, необычных перемен, преобразований, изменений. Это время, когда все менялось, все пришло в движение. Происходило смещение старого. Рушились веками сложившиеся устои, нравы, обычаи, возникали и внедрялись новые.

Народное хозяйство Вятской губернии после революции и гражданской войны, особенно после голодного 1921 года, пришло в окончательный упадок. И это при том, что губерния не подвергалась таким разрушениям, как некоторые другие. Документы тех лет бесстрастно свидетельствуют, что в сельском хозяйстве многие тысячи десятин земли не обрабатывались и не засеивались. поголовье скота, по сравнению с дореволюционным периодом, снизилось почти наполовину. Более чем двухмиллионное сельское население бедствовало. Пять южных уездов Вятской губернии были официально признаны постановлением ВЦИК голодающими в 1921-1922 годах.

Что касается промышленного производства губернии, то и без того слабое его развитие в этот период было окончательно подорвано. Валовая продукция 226-ти действующих фабрично-заводских предприятий составляла меньше половины от объема производства 1913 года. Никакой материальной заинтересованности в повышении производительности труда не было ни у крестьян, ни у рабочих, ни у служащих. До 1922 года на все была разверстка, даже на лапти. Нечем стало платить за труд. Пришлось выдавать зарплату той же продукцией, которую выпускали фабрики: спичками, бумагой, башмаками. Возникла безработица.

В 1922-1923 годах вводится новая экономическая политика в стране. Через 5-6 лет масштабы частнособственнического предпринимательства и коммерции, несмотря на ряд ограничительных мер, заметно возросли. Новая экономическая политика позволяла избежать экономического краха, в значительной степени восстановить народное хозяйство, дала возможность губернии сделать заметный шаг вперед. Вятский НЭП, предшественник массовых репрессий,

прокатившийся по губернии, был составной частью всенародной трагедии. Вятский НЭП имел свои особенности: он никак не угрожал экономической стабильности советского государства, был в общем-то пародией на капиталистический уклад экономики. Одним словом, время было суровое, страшное, действия властей неоднозначные, противоречивые.

Новые испытания моральных и физических сил ждали трудящихся Кировской области в 1937-1938 годах.

К концу 30-х годов сложилась практика, которая позволяла руководителям на местах, как, разумеется, и в центре, действовать бесконтрольно, допускать явный, причем массовый произвол. В определенное время все многочисленные любители арестовывались. Наарестовывались уже столько, что некуда стало сажать арестантов. Пришлось принять такое решение: «За двухмесячный срок снизить число заключенных с 800 тыс. до 400 тыс.».

Под диким прессом массовой индустриализации и коллективизации оказалось раздавлено, перемолото множество человеческих судеб в стране. Так, в 1956 г., отвечая на секретный запрос Политбюро, КГБ сообщил, что в период с 1935-го по 1940 г. было арестовано примерно девятнадцать миллионов человек, из которых, по меньшей мере, семь миллионов были расстреляны или умерли в Гулаге. Вероятно, истинное число жертв было еще большим. Сколько — неизвестно.

И даже в это суровое время в семье Тухариновых, не смотря ни на что, еще оставались надежда, вера, любовь и добропорядочные отношения между супругами. Это было возможно только благодаря их собственным идеалам о земном существовании.

Юрий Владимирович вспоминал о далекой поездке к отцу в лагерь: «Когда собрались ехать, то спустились к железнодорожной станции по дорожке за десять минут. Стояла ветреная погода. Немногочисленные ожидающие находились на станции — в двухэтажном кирпичном здании, построенном в конце XIX века. Вот засвистел паровоз, выпуская большие клубы пара, и подошел к перрону. Уселись в вагончик с твердыми сиденьями, отгороженными стенками. Небольшой состав из 7 вагонов тронулся с места и покотился на север к городу Котласу. Через несколько минут в окне начал мелькать густой лес...»

Анна Николаевна, призадумавшись, подперев подбородок кулаком, глядела в окно. На нее нахлынули тогда воспоминания из ее недалекого прошлого. Кто бы мог подумать, что она, старшая дочь известного в Вятке купца, будет бедствовать, перебиваться с хлеба на воду, не имея больше перспективы для развития своего дела.

Вспоминалась и жизнь дореволюционная. Яблоневый сад, тянувшийся длиною с квартал вдоль дороги, уходящей вниз к реке, участки земли, засаженные кустами различных сортов ягод, отдельные ряды бахчевых культур, картофельные грядки. Все это вдруг почему-то стало не их, и превратилось во всенародное достояние. Яблоневый сад вырубил и поделили на земельные

участки, на которых построили временные дома-бараки для прибывшего, неизвестно откуда, народа. Ее родной семье купца Петра Ездакова, оставили четыре дома с небольшими нарезками земли и большую их часть пустили на нужды городского хозяйства.

Оторвавшись от горьких дум, мать перевела взгляд на сына, сидевшего напротив. Как интересно сложится у него судьба? Что его ждет? Ответы на эти вопросы она дать не могла. Юра смотрел в окно и был очень заинтересован увиденным. Мальчик думал, что на севере проживает народу не так уж и много. Но здесь он увидел совсем иную картину.

Вдоль железной дороги тянулись поселки, обнесенные высокими заборами и лесозаготовительные предприятия. Порой видны были и фабричные трубы. Ночью состав останавливался и стоял по часу и более. Наконец прибыли на нужную станцию. Ландшафт был непривычным: низкие деревья, большие пространства, свободные от леса. В карьере шла разработка горной породы, а дальше, уходящие в никуда рельсовые пути. Вокруг поселка, военная охрана, высокие заборы, колючая проволока. Прошли в отдельное помещение. Ждали грузовик с тентом. Затем, залезли в него с несколькими попутчиками и поехали в лагерь. По приезду вошли в дом в сопровождении дежурного и остались ждать в комнате. Под вечер, когда уже смеркалось, дверь вдруг открылась, и в комнату вошел отец, в черной одежде, худой, с обострившимися серыми чертами лица. Чувствовалось, что он очень нервничал. Подойдя к жене и сыну, Владимир Алексеевич крепко обнял их со вздохом. Потом они все вместе долго сидели молча. Отец улыбнулся, какой-то особенной улыбкой — во рту образовалась пустота, зубов в нем уже не было. Заметив это, Анна Николаевна с болью в сердце опустила глаза...

Потом уже на обратном пути, мать рассказала сыну, что Владимир Алексеевич выжил в лагере только благодаря своим знаниям по строительству насыпей и прокладке железных дорог. Лагерное начальство доверило ему работать инженером. В том же разговоре, после продолжительной паузы, Анна Николаевна сказала сыну: «Никогда в жизни не шути с советской властью».

Эти слова и увиденные наяву картины из суровой действительности Воркутинского Гулага врезались в память Юрию Владимировичу на все оставшиеся годы. В дальнейшем, став армейским офицером, он нес государственную воинскую службу честно, по уставу, выполняя свой долг и присягу. Он никогда не прикидывался обиженным судьбой хотя, думается, и имел на это все основания.

Домой отец Юры вернулся в тяжелую годину 1942 года, когда уже шла кровопролитная война с фашистами. На фронт, таких как он, не брали и Владимир Алексеевич продолжил работу по гражданскому строительству. В Кирове было построено несколько жилых домов по его проектам, ряд общественных зданий. Среди наиболее известных — здание лесотехнического техникума — дом 72 на современной улице Карла Маркса. В свое время за этот проект он подвергся серьезной критике, так как некоторые из руководителей считали, что здание имеет буржуазный внешний вид. Анна Николаевна же в течение всей жизни работала по соседству от своего дома продавцом, затем заведующей продовольственным магазином.

Семья Тухариновых в Кирове имела широкий круг знакомых и поддерживала дружеские связи со многими известными людьми. Взрослые и дети живо интересовались культурой, театром, литературой. Был среди их знакомых и вятский революционер М. К. Любовиков, сын которого Овидий стал впоследствии знаменитым вятским поэтом. Юрий Тухаринов часто слушал его стихи и, стремясь подражать ему, стал пытаться сочинять свои собственные стихотворения о героях, о войне, о любви, что способствовало самоутверждению подростка и развивало у него интерес к литературе. Как и все мальчишки Юра любил кино. Более 20-ти раз смотрел «Чапаева». Увлекался спортом, ходил на лыжах. В то время зимние лыжные прогулки были очень популярны среди кировчан. Зима в этих местах долгая, снежная и местные жители очень любят кататься на лыжах, на коньках, санях. В свое время дед Юры, Петр Ездаков, сделал на своей кузнице для него санки — таких не было ни у кого, с загнутыми полозьями, художественной отделкой. В те же детские годы у Юрия проявились музыкальные наклонности. Он любил слушать фортепьяно, скрипку, аккордеон, самостоятельно научился играть на баяне, а, позднее, уже будучи офицером, купил личный аккордеон и всегда возил его с собой по местам службы, как говорится, отводил душу в часы досуга и отдыха.

В трудные голодные годы, уже в 14 лет, Юра приобщился к ремеслу часовщика, стал подрабатывать починкой часов, помогая семье, а после восьмого класса пошел работать на машиностроительный завод им. 1 мая. Был учеником слесаря-лекальщика, затем выучился на фрезеровщика — готовил детали к танкам Т-60 и Т-70. Здесь, на заводе, Ю. Тухаринов впервые встретил очаровательную девушку Людмилу Касаткину — будущую свою супругу, которая потом преданно и долго делила с ним трудности гарнизонной жизни, была всегда ему надежной поддержкой и опорой в печали и радости.

В 1946 году Юрия призвали в армию и направили на учебу в Саратовское пехотное училище. К слову сказать, в Саратов он приехал на пароходе, тогда это еще было возможно, так как от Кирова до Саратова существовал речной маршрут по рекам Вятка, Кама и Волга. Та первая самостоятельная поездка запомнилась ему на всю жизнь. Тогда в Саратове располагались сразу несколько военных училищ, включая суворовское. Военных можно было увидеть повсюду: на праздничном городском построении или просто в увольнении.

Вот что вспоминал ветеран войны Н. Н. Цибизов, в то время один из самых молодых преподавателей курса в пехотном училище: «Это было время победителей. Преподаватели — офицеры, только что вернувшиеся с фронта. Они были эталоном в общественной жизни и быту. Да и многие из курсантов в конце войны тоже успели побывать на фронте, имели боевые награды. Нарушений воинской дисциплины среди них тогда практически не было. Сама обстановка в училище воспитывала патриотов, создавала приподнятое настроение. В числе молодых лидеров отличался курсант Юрий Тухаринов. Он упорно занимался по всем дисциплинам, увлекался физподготовкой. Чувствовалось, что военная служба ему по душе...»

За период обучения Юрий Владимирович успел жениться и вскоре в Кирове у него родился сын Лева. После окончания училища, которое Юрий окончил успешно, молодого лейтенанта назначили командиром пулеметного взвода в 51-й гвардейский механизированный полк 15-й гвардейской механизированной дивизии. Так начиналась его служба в гвардейских частях, в которых дослужился до командира полка.

Вот как вспоминает о том периоде службы Юрия Владимировича ветеран Вооруженных Сил, кандидат экономических наук, Б. Н. Анненков: «Когда в 1950 году в мою роту прибыл молодой командир взвода лейтенант Юрий Тухаринов, то я сразу обратил внимание на его хорошие физические данные, военную подготовку, выучку и желание работать. С его семьей мы ближе познакомились у него на дне рождения. Впервые тогда я встретился и с его супругой Людмилой Петровной. С того времени мы стали друзьями и на протяжении всей жизни дружили семьями. Так случилось, что мне довелось встретить с Юрием Владимировичем и его последний день рождения в Москве в 1998 году. У меня с женой остались самые лучшие воспоминания о его семье. Очень приятно, что мы повстречали таких открытых и совестливых людей. Людмила Петровна всегда с участием интересовалась нашими делами. Она частенько встречалась и общалась с моей супругой, была отзывчивым, веселым и прекрасным человеком. Людмила всегда старалась организованно провести праздники с семьями офицеров, чтобы они чувствовали себя в приподнятом настроении. В трудную минуту поддерживала офицерских жен. Ю. Тухаринов заслуженно имел авторитет среди солдат и сержантов, офицеров роты. Его любили. Постоянно на учениях он был рядом с подчиненным. Был прост и в то же время строг. Все, что касалось военной службы считал, что офицеру не зазорно переспросить, чтобы улучшить знания и понять проблему. Был доступен для людей, за эти качества его и ценили. Армейская служба Юрию Владимировичу нравилась. После моего перевода в другую часть, он был назначен командиром роты. Так начиналась его трудная дорога к вершинам армейского командования».

В 1955-1959 годах Ю. Тухаринов нес службу в Группе советских войск в Германии, где командовал отдельной ротой, был заместителем командира батальона, начальником полковой школы. Там ему присвоили воинское звание — капитан, наградили медалью «За боевые заслуги». Проявившиеся незаурядные командирские способности, систематическая работа над собой, безупречная воинская служба и хорошее знание немецкого языка позволили офицеру Ю. Тухаринову в августе 1959 года поступить в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Учеба давалась Юрию Владимировичу легко. Академию молодой майор успешно закончил через четыре года. За его плечами были 12 лет безупречной службы.

Вот что рассказывает о семье Тухариновых жена А. А. Корчагина — боевого товарища Юрия Владимировича, Ирина Прокопьевна Корчагина: «Помню мы дружили семьями с Тухариновыми, вместе находились на учебе в Москве, службе в Забайкальском, Туркестанском военных округах. В Москве у Тухариновых родился второй сын Игорь. Первенец, Лева, родившийся в Кирове, к концу обучения в академии поступил уже в Московский энергетический институт. Людмила Петровна всегда старалась наполнить смыслом семейную жизнь, делала все, чтобы им вместе было интересно. Верила в ратные дела, какие поручала ее мужу Родина. Кроме того, она всегда старалась подтвердить золотое правило, что если уж стала женой военного — выполняй свой долг до конца, не лукавь, только при этом можно завоевать уважение к себе со стороны мужа, детей и окружающего общества. Где бы ни находились, мы всегда старались помочь чем-нибудь семьям военнослужащих, особенно молодым».

После выпуска из академии Ю. Тухаринов получает направление в гвардейскую мотострелковую дивизию Киевского военного округа на должность заместителя командира полка, а еще чуть позже назначается командиром полка 25-й гвардейской Чапаевской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в городе Лубны.

Об этом периоде его службы рассказывает сослуживец Юрия Владимировича полковник В. Воронин, бывший начальник штаба полка: «Командир подполковник Ю. Тухаринов, был очень уважаемым человеком среди нас, его подчиненных. С приходом его на должность психологический климат в полку заметно улучшился. На службе им строго и четко ставились задачи, организованно проходила боевая и политическая подготовка, систематически проводились учения. Особые требования комполка предъявлял к выучке солдат и сержантов. И это не удивительно, так как он до тонкостей знал воинскую службу. Это чувствовалось во всех его делах. Почти все проверки части высшим командным составом получали отличные оценки. Особо коллективу офицеров нравилось как в праздничные дни организовывался отдых членов их семей. Готовились к этим мероприятиям жены военнослужащих, женсовет поощрял подарками наиболее отличившихся.

Праздники в полку всегда проходили с высокой активностью в доброжелательной атмосфере. Таким был передовой коллектив в гвардейской Чапаевской дивизии».

Служба Тухаринова в полку была отмечена рядом медалей и благодарностей.

Почти ежегодно Юрий Владимирович, уходя в отпуск, любил бывать у своих родителей в Кирове. Анну Николаевну очень радовали успехи сына.

Бывая же у родителей супруги Людмилы Петровны — Елены Алексеевны и Петра Андреевича — Тухариновы постоянно впитывали большую интеллигентность и чувственность этой четы. Петр Андреевич Касаткин прошел большой путь организатора железнодорожного хозяйства, был заместителем директора машиностроительного завода. Уйдя на пенсию, он увлекся охотой и рыбной ловлей — возглавлял Кировское областное общество охотников и рыболовов.

Встретиться и пообщаться с Юрием Владимировичем в отпускные дни всегда приходило много его знакомых и родственников. Тогда собирались шумные большие застолья. За столом, как обычно, начинали с интересных рассказов и анекдотов. При этом заводилой и душой компании неизменно был Андрей Петрович Касаткин, брат жены Юрия Владимировича. В то время Андрей Петрович работал редактором промышленных передач Кировского радио и поэтому всегда был в курсе многих современных проблем. Заядлый рыбак, он каждый отпуск проводил с Юрием Владимировичем на рыбалке. Такой же живой и активной была и его супруга — Тамара Владимировна Бесстрашная, трудившаяся на заводе контрольным мастером.

Частенько любили поговорить с братом и его двоюродные сестры: фронтовичка Тамара Петровна Деришева, Эмилия Петровна Чарушина, Светлана Петровна Дорофеева, Эмилия Васильевна Ездакова, двоюродный брат Вячеслав Ездаков. Постоянно бывали всегда в это время у Тухариновых двоюродная сестра с мужем — Михеевы Лидия Андреевна и Николай Игнатович — участники Великой Отечественной войны.

Не раз отпуск выпадал на май. В этом месяце у Юрия Владимировича день рождения. Он родился 3 мая 1927 года в Вятке. День рождения был настоящим праздником для всей большой дружной родни.

В июле 1967 года Ю. Тухаринов стал слушателем основного факультета Академии Генерального штаба ВС СССР — кузнице высших военных кадров. Об учебе в академии вспоминает его однокурсник генерал-полковник А. П. Горбачев: «Наш курс был небольшим и делился на три учебных отделения по 11-12 человек. Командиром нашего учебного, отделения был назначен подполковник Юрий Тухаринов. Он тогда уже имел солидный командирский опыт, будучи командиром полка. Его отличал прямой, открытый или, как говорили, мужской характер. Своего командира отделения мы ни разу не подвели и не обманули. Надо отметить, что за два года учебы у нас в коллективе не было конфликтов и стычек между собой. Теперь, когда встречаемся, вспоминаем это время с большой теплотой. Пожалуй, это была самая счастливая пора в нашей нелегкой армейской жизни. Главным для нас тогда была учеба. Объем учебного материала был большой, ведь мы постигали высшую военную науку. На практику же выезжали в войска. Помню как, например, в 1968 году в Ленинградском военном округе проходили ученья, на которых слушатели выполняли свои обязанности. В должности командира дивизии успешно выступал Юрий Тухаринов.

Бывали у нас и уроки спорта. Здесь особо почитаемым занятием являлся волейбол. Играли кто как может, но увлеченно и по-бойцовски. Юрий Владимирович при своем росте игрок был средний, но всегда бил по мячу с азартом. Среди зимних видов спорта популярным был бег на лыжах, на небольшие и длинные дистанции. Здесь примером в соревнованиях равных Ю. Тухаринову не было. Он очень любил лыжные гонки. Быстро прошли два учебных года, пришла пора защиты дипломной работы.

Председателем Государственной экзаменационной комиссии нашего выпуска был дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И. С. Конев. Он присутствовал на защите диплома полковника Ю. В. Тухаринова. Работа Ю. В. Тухаринова несомненно представляла практический интерес. По результатам этого труда была заслуженно выставлена отличная оценка. После окончания учебы в академии нас направили в различные места службы».

Ю. В. Тухаринов получил назначение в Забайкальский военный округ на должность начальника отдела оперативного управления штаба округа в Чите. Через два года, в марте 1972 года, он назначается командиром мотострелковой дивизии в г. Борзе. Вот тут-то и проявились особые волевые качества Ю. Тухаринова. Он приступил к формированию нового соединения полного состава, как говорится, с нуля, на голом месте.

Генерал-лейтенант А. Е. Рубинчик, в то время заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа, вспоминает о тех годах: «Полковник Ю. Тухаринов в оптимальные сроки не только сформировал и обустроил дивизию на совершенно новом месте дислокации, обеспечил необходимую войсковую подготовку личного состава, но и вывел ее в число лучших в округе. Под командованием Юрия Владимировича подразделения и части

соединения всегда отличались высокой боевой готовностью, полевой выучкой, организованностью и дисциплиной».

Командуя дивизией в г. Борзе полковник Ю. Тухаринов был представлен заместителю министра обороны Маршалу Советского Союза С. Л. Соколову, который пребывал в Забайкальском округе с инспекторской проверкой. Оценку за свою работу по боевой подготовке и по обустройству соединения тогда он получил от Сергея Леонидовича очень высокую.

Вскоре заслуги комдива были по достоинству отмечены командованием, он был награжден орденом Красная Звезда и очередным воинским званием генерал-майор.

В марте 1974 года Юрий Владимирович становится первым заместителем командующего 29-й армии в Улан-Удэ. Почти через два года (с 5 января 1976 года) он назначается 1 командующим армией. В этой должности генерал Ю. Тухаринов проделал большой объем работы по укреплению восточных рубежей страны и обеспечению тесного взаимодействия с войсками, дислоцированными в Монголии.

Служба в Забайкальском военном округе позволила Юрию Владимировичу пройти хорошую школу в деле совершенствования управления войсками в различных условиях. Под руководством командующего войсками округа генерала армии П. А. Белика в этот период систематически проводились войсковые учения с длительными маршами соединений и частей на 2-3 тысячи километров, вплоть до южных границ Монгольской Народной Республики. Войска преодолевали вначале горные массивы, а затем шли по узким дорогам и перевалам, днем и ночью, в дождь и снег. Спускаясь с гор, они выходили на степные и пустынные пространства огромной пустыни Гоби, где природа напоминает ландшафт Луны. Марши были длительными, но именно в ходе них ковалось профессиональное мастерство забайкальцев — генералов, офицеров, сержантов и солдат. Учения проводились и зимой. А зима, как известно, в этих краях суровая и длится до 9 месяцев. Иногда холода достигают до 45 градусов. Даже в мае температура воздуха снижается ниже 10 градусов. В осенне-зимний период здесь бушуют степные снежные бури, заметая дороги. Водители учатся ориентироваться и в этой ситуации. За время передвижения войсковых колонн по различным участкам местности степного Забайкалья были определены стойкие ориентиры. Войска, пройдя огромные по протяженности маршруты, попадали в сухое, выжженное солнцем место, без рек, пресной воды и источников продовольствия. Тем самым, достигались условия, наиболее приближенные к боевым. В них и проводились надлежащие тренировки.

В конце 70-х годов, в связи с обострением международной обстановки и охлаждением советско-китайских отношений, Забайкальский военный округ был значительно усилен армейскими формированиями. На территорию округа прибывали воинские соединения, переведенные с западного направления.

В Юго-Восточной Азии разгорался военный конфликт между Вьетнамом и Китаем, приведший к двухмесячной войне в феврале-марте 1979 года. В ту пору Вьетнам был другом и союзником СССР и ему необходима была срочная помощь и поддержка. Она была оказана. Помимо направления в

Ханой группы советских военных советников и специалистов во главе с генералом армии Г. И. Обатуровым, Москва привела свои войска на Дальнем Востоке и в Сибири в состояние полной боевой готовности. На территории Забайкальского и Дальневосточного военных округов были проведены крупные войсковые учения с выдвиганием воинских частей и соединений вглубь Монголии. Была проведена частичная мобилизация воинов запаса. Сотни танков и бронемашин подошли к китайской границе вплотную. В то же время было очевидно, что столь высокая напряженность в отношениях между двумя великими государствами не отвечала коренным интересам их народов.

По долгу службы генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов участвовал в этих мероприятиях и к концу 1979 года приобрел достаточно высокий опыт по руководству войсками. Будучи командующим Улан-Удэнской армией, Юрию Владимировичу пришлось заниматься и строительством крупных объектов военного назначения. В том же году 29-ю армию проверила комиссия Министерства обороны СССР во главе с Маршалом Советского Союза Н. В. Старковым, который высоко оценил состояние ее боеготовности и уровень воинской дисциплины.

За эти и другие заслуги генерал Ю. Тухаринов был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» СССР III степени, рядом других отечественных и монгольских наград.

Десять лет службы в сложных природно-климатических условиях Забайкальского военного округа, накопленный богатейший оперативно-тактический опыт, глубокие знания, полученные в ходе успешного обучения на Высших Академических курсах Академии Генерального штаба, а также обладание стратегическим мышлением, все это позволило Юрию Владимировичу выдвинуться в число видных армейских военачальников. В сентябре 1979 года он получает новое назначение — на должность первого заместителя командующего войсками Туркестанского военного округа. И уже через три месяца его ждал Афганистан...

Ветер «афганец» приносит суровые испытания

«В сентябре 1979 года я прибыл из Забайкалья в Ташкент. Получил повышение по службе — стал первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. Сразу с головой окунулся в работу, много летал, ездил: надо было побыстрее ознакомиться с частями округа, их состоянием, по плану завершался учебный год», — рассказывал генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов.

Туркестанский военный округ охватывал в 1979 году большую территорию на юго-востоке СССР. Войска дислоцировались на территории Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана. Историческое наименование «Туркестанский» советский военный округ принял от своего предшественника — военного округа Российской империи, образованного в 1867 году. Туркестан (Туркестанский край) — так с давних исторических времен и до национально-государственного размежевания в 1925 году называлась огромная территория Средней и Центральной Азии, от Каспийского моря до горных массивов Памира и Тянь-Шаня. До 1917 года на этой территории существовали административное управление — Туркестанское генерал-губернаторство.

Разнообразной по своим физико-географическим и климатическим условиям была территория округа. В южной и юго-восточной части округа расположены горные массивы Копет-Дага, Памира, Тянь-Шаня, занимающие значительную часть территории. От южных горных районов простирается Туранская низменность с ее обширными пустынями Каракум и Кызылкум, пересекаемыми многоводными реками Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

Климат Центральной Азии резко континентальный. Его отличительной особенностью является палящий зной, незначительное количество выпадающих осадков преобладание северных и северо-восточных ветров и сильные колебания температуры, как в течение суток, так и года.

В летнее время температура воздуха иногда достигает 50 градусов жары, почвы — до 70. В весенне-осенний периоды довольно часто бывают сильные порывы ветра-«афганца». Это сложные условия. На юге и юго-востоке округ граничит с Ираном, Афганистаном и Западным Китаем.

«Нас, военных, интересовали и волновали события в Афганистане, поскольку округ занимал сопредельное положение с этой страной. В секретной информации разведорганов сообщалось о напряженном состоянии дел в Демократической Республике Афганистан», — вспоминал генерал Ю. Тухаинов.

Глава 2.1. Афганистан — особый военно-политический район в Центральной Азии

К осени 1979 года у власти в ДРА стояла политическая группировка «Хальк» во главе с Х. Амином. Х. Амин пришел к власти в результате политического убийства вождя, так называемой Апрельской революции в Афганистане, Н. М. Тараки.

Между СССР и Афганистаном существовали давние дружественные связи. Взаимообмен между странами, торговый и бщественно-культурный, существовал на протяжении всего XX века. Многие деятели России и Советского Союза бывали в Афганистане, изучали историю этой страны.

В письменных источниках Афганистан впервые упоминается в VI веке до н. э., когда был включен в Иранскую империю. Около 330 года до н. э. Афганистан был завоеван Александром Македонским. Страна находилась под властью различных завоевателей до того, как ее захватили в 1220 году войска Чингис-Хана. Под властью монголов Афганистан находился до XIV века. Затем, в XVII веке, оказался под властью Ирана.

В 1747 году, после очередного восстания против иранского владычества возникло первое афганское государство во главе с эмиром Ахмад Шахом, которого называли «Жемчужиной века». В

начале XIX века, после периода анархии, у власти встал Дост Мухаммед Хан, принявший в 1835 году титул эмира.

Вторжение в Афганистан английских войск происходило в 1838 году. Затем, в 1878 году разразилась вторая война, а в 1893 году, с проведением так называемой линии Дюранда, была установлена восточная граница, проходившая по территории пуштунских племен.

Тяжелое наследие колониального прошлого: произвольно установленная англичанами граница между Афганистаном и Пакистаном по линии Дюранда, по настоящее время оспаривается афганским руководством.

С середины XIX века Россия и Великобритания вели борьбу за влияние на страну, в 1907 году между ними был подписан договор о признании целостности Афганистана. До 1973 Афганистан оставался монархией.

В июле 1973 года представители армейского руководства Афганистана совершили государственный переворот, в результате которого в стране была свергнута монархия короля М. Закир Шаха и установлен республиканский строй. Вскоре после переворота внутри пришедшей к власти коалиции, включавшей группировку бывшего премьер-министра М. Дауда, который стал президентом республики, и «левых офицеров», членов Народно-демократической партии Афганистана, разгорелась острая борьба относительно путей дальнейшего развития страны. М. Дауд стоял за капиталистический путь развития, НДПА — за некапиталистический. Республиканский режим в первые годы после переворота был вынужден под давлением демократических сил, в первую очередь НДПА, пойти на ряд сравнительно прогрессивных мер. Однако через некоторое время, когда, по мнению правящих кругов, основы режима укрепились, началось преследование членов НДПА, что побудило партию пересмотреть свою позицию по отношению к режиму.

На правительство М. Дауда все больше оказывали влияние шах Ирана Пехлеви, президент Пакистана Зия-уль-Хак, американская администрация Дж. Картера, которые стремились приблизить афганцев к Западу. Американские усилия были направлены на то, чтобы ослабить позиции СССР в Афганистане.

Иранские советники и спецслужбы Пакистана готовили своих сторонников внутри Афганистана. Под их негласным контролем оказалась республиканская гвардия, органы МВД, госбезопасности.

Разветвленная сеть иностранной агентуры, действуя под маской дипломатов, значительно активизировала свою деятельность по сплочению сил реакции внутри режима Дауда. Основными противниками демократии становились религиозно-политические группировки.

Только за период 1973-1977 гг. в пакистанских секретных лагерях было подготовлено для засылки в Афганистан около 6 тысяч боевиков. Под крышей американского управления по борьбе с распространением наркотиков готовились антиафганские акции.

В результате к Апрельской революции 1978 г., США уже имели в Афганистане широкую агентурную сеть для осуществления подрывных операций против правительства страны.

Об этом свидетельствовали и сообщения советских загранпредставительств.

«К началу Апрельской революции в Афганистане на пакистанской территории уже находились и действовали центры двух основных фундаменталистски оппозиционных организаций: Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Гульбеддина Хикматьяра и Исламского общества Афганистана (ИОА), возглавляемого Б. Раббани».*

*Из информации МГБ ДРА — советского посольства в Афганистане.

Режим Дауда, смещаясь все более вправо, усилил репрессии, провел многочисленные аресты сторонников НДПА. К началу 1978 года — существенно обострились условия жизни народа и противоречий между помещичьим классом и крестьянскими массами. Прошли антиправительственные демонстрации.

27 апреля 1978 года произошла национально-демократическая революция в Афганистане. Руководителем государства, а также премьер-министром, в дальнейшем министром обороны, становится Н. М. Тараки, его заместителем Х. Амин — представители движения «Хальк» Народно-демократической партии Афганистана. Но в то же время внутри НДПА усилились разногласия между «халькистами» и «парчамистами». Х. Амин и его сторонники стали расправляться со всеми, кто выражал несогласие с их методами руководства. Б. Кармаль, Наджибулла и некоторые активисты «Парчам» — были высланы из страны на дипломатическую работу. Против других прошел террор.

Народно-демократическая партия Афганистана была образована еще в 1965 году. Затем в руководстве наметились разногласия, приведшие к расколу в партии на два движения — «Хальк» (народ) и «Парчам» (знамя).

По своему происхождению «халькисты» являлись выходцами из малообеспеченных, полупролетарских и трудовых слоев общества (из семей мелких служащих, кочевников, крестьян, ремесленников), уроженцев периферийных районов, по национальному составу — в основном пуштуны. Им были свойственны непоследовательность, экстремизм, левацкие уклоны.

«Парчам» стремилась быть знаменосцем, авангардом общедемократического движения в стране, однако четкой идейной платформы не имела. Конечной целью своей деятельности парчамисты считали построение демократического общества.

Исходя из существовавших тогда реалий в стране и мире, они вели работу в основном в среде интеллигенции, государственных служащих, военных, считая эти слои общества наиболее реальной силой, с помощью которых могли бы достичь своих целей. Именно им принадлежит идея образования национального Отечественного фронта, призванного стать организацией, объединяющей все патриотические и демократические силы общества в борьбе против старого режима.

После Апрельской революции новое правительство, руководимое в основном Х. Амином, сузило социальную опору своих нововведений. Правительство заняло жесткую позицию в отношении духовенства, рассматривая его односторонне, как враждебный пережиток. В первые же дни переворота были расстреляны более 20-ти представителей высшего духовенства, в том числе члены известного и могущественного клана Моджаддеди. Не проводя никакой подготовительной разъяснительной работы, руководство ДРА объявило джихад (священную войну) группировке «Братьев-мусульман», назвав их «братьями-дьяволами», «врагом № 1» и развернуло против них широкие репрессии.

Все это происходило на фоне экономического застоя в стране. Бандитские формирования запугивали население. С конца 1978 года и в течение 1979 — небольшие террористические группы «братьев» совершали нападения на солдатские казармы и населенные пункты.

В начале февраля 1979 года в соседнем Иране происходит антишахская революция. Пришедшая к власти группировка аятоллы Хомейни провозгласила курс на исламизацию общественно-политической жизни страны. Амбиции аятоллы Хомейни вышли за рамки Ирана, когда он объявил себя имамом (духовным главой) всех шиитов мира. В последующем, реакционные крути Ирана стали оказывать многостороннюю поддержку афганской оппозиции.

К началу мая 1979 г. крупному нападению многочисленного вооруженного отряда бандитов подвергся промышленный город Пули-Хумри в Северном Афганистане. Было прервано сообщение по автотрассе Кабул — Север. Участились вооруженные столкновения в провинциях Пактия, большую часть которой захватили военные формирования мятежников. Вспыхнул мятеж в гарнизоне центра провинции Нангархор городе Джелалабад. 9 мая вооруженный отряд мятежников совершил нападение на Кабульский международный аэродром, сделав попытку захватить ангары с самолетами.

В этой обстановке народные массы оказались незащищенными. Росло недоверие к власти. К осени 1979 года деструктивная деятельность Х. Амина стала настолько нетерпимой, что в руководстве НДПА и в стране поднимался вопрос о целесообразности его дальнейшего прибивания на посту премьер-министра. Доверие президента страны Тараки к Амину было

подорвано. 10 сентября 1979 года состоялась встреча Л. И. Брежнева и Н. М. Тараки во время кратковременной остановки последнего в Москве, обсуждались внутривнутриполитические вопросы.

В начале октября, по указанию Х. Амина, было совершено убийство Н. М. Тараки в Кабуле.

Этому предшествовала перестрелка во дворце Голь-Хана в Кутийе Багча, где находился Н. М. Тараки. Известно, что в момент перестрелки у Тараки находились советский посол А. М. Пузанов, генерал армии И. Г. Павловский, главный военный советник генерал-лейтенант Л. П. Богданов.

1-го и 5-го октября Х. Амин потребовал отзыва советского посла и главного военного советника из Кабула. Они отбыли в Москву.

Советское руководство внимательно наблюдало за развитием политических событий и внутренней обстановкой в Афганистане. Там разгоралась гражданская война между различными группировками, как марксистского, так и мусульманского толка. Афганистан — сопредельная страна с СССР, и советское правительство имело определенный взгляд на политическое руководство Афганистана, тем более на то были основания — подписание договора о взаимной помощи.

Для советского руководства было небезразлично в каком направлении будут развиваться события в Афганистане в случае установления там недружественного по отношению к СССР режима. Ведь тогда открывалась опасность создания еще одного фронта у «южного подбрюшья» страны (Иран, Афганистан, Пакистан), откуда, при наличии соответствующей группировки, вполне можно будет наносить удар, рассекающий Советский Союз пополам, с выходом к важнейшим промышленно-экономическим районам.

Отношения двух сверхдержав — США и СССР — были напряженными. Противоречия усиливали подозрение, что Афганистан будет использоваться против советской системы. В октябре 1979 года, то есть за два месяца до ввода войск в Афганистан, США в резкой форме отвергли советскую инициативу по разоружению. В дальнейшем общий курс США на ужесточение конфронтации с СССР был перенесен и на Афганистан. В связи с утратой позиций в Иране, США были озабочены поиском замены ему и наращиванием своих военных возможностей в Юго-Западной Азии.

США, начиная с 40-х годов, начали проводить активную деятельность по вовлечению Афганистана в сферу своих интересов через Пакистан. Именно с пакистанских авиабаз, переданных в аренду ВВС США, взлетали американские самолеты-разведчики в направлении Советского Союза. Известно, что американский самолет-шпион У-2, который был сбит над советской территорией в 1960 г., взлетел с пакистанской базы Бадабер в Пешаваре. США сделали ставку на использование афганской вооруженной оппозиции, подкрепив тем самым непосредственно уже осуществлявшийся антиафганский курс проамериканскими режимами в регионе.

Афганские официальные лица в это время не скупались на предсказания кардинальных перемен в Афганистане, на появление там для США «благоприятных возможностей». Уже наводились морские и воздушные мосты для переброски оружия в Пакистан, в частности, оружия советского производства из Египта, выдававшегося затем за «трофейное». Только с июня по ноябрь 1979 года американские инструкторы подготовили в лагерях и базах на территории Пакистана более 300 тыс. наемников. А всего к концу 1979 года численность формирований оппозиции уже превысила 100 тыс. человек!

Советское руководство следило и за событиями в Иране. Воинствующий исламский фундаментализм оказывал влияние на афганских мусульман. Дальнейшее расширение этого влияния могло перебраться на советские республики Кавказа, Средней Азии, Казахстан. Кстати, последующие события 90-х годов показали, что опасения эти имели основания.

К декабрю 1979 года обострились отношения между СССР и КНР из-за военного конфликта в восточной Азии. Китай также был втянут в предстоящий конфликт в Афганистане. Происходило быстрое военно-стратегическое сближение КНР и США, явно направленное против СССР. Как тогда писали газеты Китая: «Мощь, безопасность и модернизация Китая в последующие десятилетия будут отвечать интересам Соединенных Штатов». Советскими лидерами в русле этих событий создавался некий «санитарный кордон», состоящий из Афганистана, Индии, Камбоджи, Вьетнама, как препятствие на пути китайской и американской экспансии.

К деятельности правительства Х. Амина советское руководство относилось с подозрением. Это правительство в Афганистане проводило не ту политику, на которую рассчитывало политическое руководство СССР, хотя Советский Союз продолжал выполнять свои обязательства по экономической помощи Афганистану. Кроме оказания экономической помощи, были у СССР и обязательства по военной поддержке Республики Афганистан. На основании совместного Договора между двумя странами осуществлялась поставка вооружения в Афганистан. Еще в течение лета 1979 г. состоялась поставка 200 танков Т-55, около 100 танков Т-62, определенного количества легких бронетранспортеров, 12-ти вертолетов Ми-24, а также несколько реактивных самолетов МиГ-21. С июля в Баграме разместился парашютно-десантный батальон, под командованием подполковника Ломакина. Затем, примерно 700 военнослужащих Воздушно-десантных войск, объявленных техническим персоналом, были направлены для охраны Кабульского аэродрома.

Летом 1979 года в Афганистан прибыла группа КГБ «Зенит». Это подразделение предназначалось, прежде всего, для осуществления разведывательно-диверсионных и иных специальных операций в глубоком тылу противника. Командиром группы был полковник Г. И. Бояринов — опытный разведчик, почти два десятка лет отдавший преподавательской деятельности — руководитель Курсов усовершенствования офицерского состава института им Ю. В. Андропова. Основной задачей «Зенита 1» была разведка города, государственных и правительственных зданий, объектов спецслужб, армейских штабов и казарм, их системы охраны. Отрабатывались также маршруты на случай эвакуации советских дипломатов. Выполнив поставленную задачу, «Зенит 1» вылетел в Москву.

Увеличилась поставка военной техники к концу 1979 года — были поставлены танки Т-62, самолеты. Офицерский состав вооруженных сил Афганистана проходил обучение в военных учебных заведениях Советского Союза на протяжении длительного времени. В войсках афганской армии находились советские военные специалисты и советники.

В ноябре по пути из Кабула в Москву, пока дозаправлялся самолет, в Ташкентском аэропорту находился главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР генерал армии И. Г. Павловский. Его встретили на аэродроме командующий войсками Туркестанского ВО генерал-полковник Ю. П. Максимов, член Военного Совета, начальник политуправления округа генерал-лейтенант В. С. Родин, начальник штаба округа генерал-лейтенант Г. Ф. Кривошеев и первый заместитель командующего генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов. «Мы знали, что главком продолжительное время находился в ДРА, и слушали его с большим интересом. Это была информация, что называется, из первых рук. Положение в сопредельной округу стране было сложным. Во многих провинциях Афганистана, в особенности на северо-востоке, севернее Кундуза и вокруг Джелалабада, то и дело вспыхивали мятежи, завязывались боевые действия. Генерал армии И. Г. Павловский говорил о низком уровне оснащённости афганской армии, с озабоченностью подчеркнул очень трудное положение наших советских военных специалистов и советников, находящихся непосредственно в афганских подразделениях и частях. В то время разговора об оказании с нашей стороны кардинальной военной помощи не было», — вспоминал генерал Ю. Тухаринов.

Хафизулла Амин — руководитель Правительства ДРА, лидер партийной фракции «Хальк» — в прошлом получил образование в Колумбийском университете в США, что давало некоторым кругам повод подозревать в нем агента ЦРУ. Его политика покоилась на диктатуре. Примерами для подражания для Амина были, как он сам упомянул в беседах с делегацией генерала армии И. Г. Павловского, Сталин и Мао Цзэдун. Он обладал жестким характером, хорошими организаторскими способностями и трудолюбием. Действия Х. Амина характеризовались авантюризмом и интриганством. Он был одержим неодолимой жадой власти, стремился к единоличному господству. Амин не доверял даже собственной лейб-гвардии и много раз просил прислать телохранителей из Советского Союза. Но в то же время, к осени 1979 года стало ясно, что между Амином и Москвой существуют расхождения. Дошло до того, что Х. Амин обратился к поверенному в делах США с заявлением о том, что он желает установления дружественных отношений с его страной. Американский представитель Брюс Эмштуц оценил эти заявления как не особенно серьезные.

Из наблюдений профессора Сен Гупта Б. (Колумбийский университет США): «Хотя внешне отношения афганского режима с СССР продолжали оставаться дружественным, однако «новый глава Кабула» (Х. Амин) вскоре обратился к США с инициативой радикально улучшить отношения между странами. Цель этого предложения состояла в оказании давления на Советский Союз. Амин всеми силами пытался изменить представления о «новом режиме» как в Афганистане, так и на международной арене, но явно опоздал с проведением нового курса: население было запугано террором властей, мятежники контролировали большинство провинций страны».

В декабре 1979 года Амин обратился к пакистанскому, президенту с просьбой о немедленной встрече. В ходе беседы с министром иностранных дел Пакистана глава афганского режима

утверждал, что СССР якобы требовал, чтобы его страна «отказалась от независимости и суверенитета» и просил передать в Вашингтон, что предлагает вмешаться в ситуацию в Афганистане. Советское посольство немедленно было информировано о словах Амина.

За деятельностью и высказываниями Х. Амина следила советская военная разведка. Еще ранее выявилась явная непоследовательность Х. Амина в выборе политического курса, он метался от марксистской системы к капиталистической. В итоге оказался в одиночестве, его не понимали ближайшие соратники из партии «Хальк».

Х. Амин внутри страны проводил репрессии, хотел рассчитаться со старыми соперниками. В сентябре был учрежден чрезвычайный суд для вынесения приговора всем, кто находился в заключении с апреля 1978 года. Еще весной советские дипломаты оценивали Амина с большой подозрительностью, характеризуя его как властолюбивого мастера политических интриг, наделенного безграничными политическими амбициями. В соответствии с этой характеристикой, Х. Амин лишь на словах следовал марксизму, будучи на деле частнособственническим националистом, хорошо умевшим вводить в заблуждение своих собеседников, что, в соответствии с оценками, во многих случаях и удавалось. Тогда, в октябре 1979 года Амину приписывалось и намерение разделить власть с Гульбеждином Хекматияром, одним из видных лидеров сопротивления, и больше опираться на США.

На критику советников из СССР, говоривших, что нельзя уничтожать целые племена, Х. Амин отвечал только, что советским людям не понять афганский народ. Единственный выход из сложившейся ситуации — тотальное истребление всех, от мала до велика. Он пытался взвалить ответственность за незаконные действия и на советских советников, дискредитируя тем самым СССР перед своим народом и мировой общественностью. Это создавало серьезные трудности для советников.

Политическое руководство Советского Союза было обеспокоено. Во-первых, неустойчивым курсом экономической политики, которую Х. Амин проводил в Афганистане. Во-вторых, режим Х. Амина не мог справиться с распространившимся уже на всю страну мусульманским влиянием экстремистского толка — группировки боевиков контролировали большую часть Афганистана.

Афганские вооруженные силы были в значительной степени дезорганизованы. Постоянная перетряска руководящих кадров, чистка и репрессии среди генералов и офицеров, принудительный призыв и ряд других моментов существенно повлияли на сплоченность и боеспособность войск. Поэтому афганская армия к тому времени оказалась значительно ослабленной и, по заявлению Х. Амина, была не в состоянии самостоятельно защищать правящий режим и отстаивать суверенитет государства.

Исламские боевики угрожали республиканскому правлению и вынашивали идею установления мусульманского духовного правления.

На пути дальнейшего распространения мусульманского экстремизма, по мнению советских политиков, могла встать только хорошо вооруженная армейская группировка из Советского Союза.

Москва стала ориентироваться во внутренней афганской политике не на аминовскую фракцию «Хальк», а на фракцию «Парчам» Бабрака Кармаля. Вот тогда то и пришло решение о необходимости смены политического руководства Афганистана для того, чтобы удержать в стране марксистскую систему. Все эти планы сохранялись в строжайшем секрете. В Афганистан были направлены подразделения КГБ. В середине ноября генерал-полковник С. К. Магометов сменил генерала Л. Горелова на посту главного военного советника в Афганистане. Западные авторы делали из событий августа-ноября и миссии И. Г. Павловского вывод о принятии решения в пользу ввода войск. Все больше дивизий Туркестанского военного округа приводились в повышенную боеготовность. 3 ноября генерал армии И. Г. Павловский вернулся в Москву и сообщил о результатах своей миссии. Докладывая министру обороны, он повторил, что во вводе войск нет необходимости, что он окажет отрицательное воздействие на международную ситуацию.

Начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков, его первый заместитель генерал армии С. Ф. Ахромеев и генерал армии В. И. Варенников были приглашены на официальное заседание к министру обороны для обсуждения вопроса об Афганистане. И они неоднократно единодушно высказывались против ввода войск.

Тем не менее в министерстве обороны тщательно разрабатывалась войсковая сухопутная операция по вводу войск в Афганистан. Она должна была проходить в короткие сроки. Учитывалась большая территория, сложность горно-пустынной местности. Для выполнения этой задачи численность контингента оценивалась около 80 тыс. человек. По мнению Генштаба, этого было слишком мало, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Осенью происходили более интенсивные перемещения войск. В Среднеазиатском военном округе приведены в повышенную боеготовность 36-я и 201-я мотострелковые дивизии.

При этом готовились не только уже укомплектованные соединения, но и производился призыв резервистов. Солдаты и сержанты первого контингента были преимущественно представители народов Средней Азии. Призывались и технические специалисты. Была приведена в боевую готовность и 103-я воздушно-десантная дивизия. С помощью спутников-шпионов американцам удалось установить, что к границе — через Термез к Кушке — перебрасывается большое количество снаряжения. Эта подготовка велась открыто и без особых мер по сохранению секретности. Создавались структуры связи. Официально эти мобилизационные меры представлялись как подготовка к проведению учений.

29 ноября были усилены Воздушно-десантные войска, размещенные в Баграме в начале июля. 4 декабря направлено подразделение численностью в 500 человек в распоряжение Х. Амина. Этим солдат и офицеров переодели в афганскую форму. Это было специальное подразделение, обученное по полной программе диверсионно-подрывной работы. Подразделение получило

название «мусульманский» батальон. Основная задача, официально — охрана резиденции премьер-министра ДРА, но была и секретная миссия — воспрепятствовать бегству Х. Амина.

Затем, с 6 по 10 декабря, было направлено на аэродром в г. Баграм около 3-х батальонов ВДВ, общей численностью 2,5 тыс. человек. Далее, с 5 по 12 декабря, скрытно в г. Кабул было переправлено специальное подразделение КГБ «Зенит», созданное в 1974 году в качестве антитеррористического подразделения. Это была группа солдат и офицеров, численностью около 1000 человек.

В середине декабря на Кабульский аэродром прибыли новые советские части. Примерно 20 декабря парашютно-десантный батальон переместился к северу, в направлении туннеля Саланг, чтобы контролировать дорогу Термез-Кабул. 20 декабря десантники заняли перевал Саланг. Западные наблюдатели установили присутствие в Афганистане советского батальона, вслед за чем Госдепартамент США направил в Москву предупреждение.

12 и 17 декабря главный советник от КГБ еще раз встретился с Х. Амином, который как и прежде считал, что СССР должен продолжать оказывать военную помощь. Средства и формы действия предстояло определить самому Советскому Союзу. Равным образом он, по словам Х. Амина, мог определить и места размещения гарнизонов. При этом, как полагал Х. Амин, речь могла бы идти о том, чтобы взять под защиту все объекты афгано-советского сотрудничества и линии коммуникаций.

По свидетельству заместителя министра обороны маршала С. Л. Соколова, в Политбюро имели место дебаты, в ходе которых обсуждались все «за» и «против» ввода войск. Решение далось руководству нелегко. В первые дни декабря министр обороны маршал Д. Ф. Устинов информировал узкий круг высшего армейского руководства о предстоящем вводе войск. В соответствии с достигнутыми соглашениями афганское правительство должно было официально обратиться по радио к Советскому Союзу с просьбой о направлении контингента.

«...8 декабря в кабинете Л. Брежнева состоялось совещание, в котором принял участие узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС: Ю. Андропов, А. Громыко, М. Сулов и Д. Устинов. Они долго обсуждали положение, сложившееся в Афганистане и вокруг него, взвешивали все «за» и «против» ввода туда советских войск.

12 декабря во время совещания основного руководящего состава Политбюро ЦК КПСС, по предложению Ю. Андропова, Д. Устинова и А. Громыко, единогласно было принято окончательное решение — ввести советские войска в Афганистан, хотя в интересах скрытности это называлось «мероприятиями». По убеждению советских руководителей этот шаг должен был способствовать интересам укрепления государства и ничего другого не преследовал».

В Туркестанском военном округе уже начались мобилизационные учения. Тем самым началось создание 40-й армии. В нем участвовали 5-я и 108-я мотострелковые дивизии, а также некоторые

тыловые подразделения. Для поддержки при решении мобилизационных вопросов в Туркестанский ВО была направлена штабная группа, которой руководил генерал армии С. Ф. Ахромеев и его заместитель генерал-полковник В. А. Меримский. Генерал армии С. Ф. Ахромеев по-прежнему утверждал, что позиция Генерального штаба оставалась единодушной и ясной — не посылать войска в Афганистан. Политическое руководство пребывало в твердом убеждении, что войска следует посылать только для выполнения охранных задач. Военные и политики осознали опасность объявления СССР международным агрессором, но решение было принято.

Насколько секретной была информация об окончательном решении по вводу войск в Афганистан видно из телефонного разговора, проведенного за неделю до начала этих событий, 19-20 декабря 1979 года, между председателем КГБ СССР Ю. В. Андроповым и заведующим информационным отделом ЦК КПСС В. М. Фалиным: «Моя задача, как председателя КГБ, охранять государственные секреты. Все может крайне осложниться из-за нескольких безответственных болтунов. Предупреждаю, если в разговоре с кем-либо ты заикнешься о том, что обсуждал со мной этот вопрос, пеняй на себя».*

*В. М. Фалин. «Без скидок на обстоятельства». Москва, 1999 г.

Глава 2.2. Ввод советских войск в Афганистан

В начале декабря начальник Генштаба ВС маршал Н. В. Огарков ориентировал генерал-полковника Ю. П. Максимова — командующего войсками Туркестанского ВО — в общих чертах о целях и задачах войск в случае принятия решения о вводе войск в Афганистан с тем, чтобы в округе могли на всякий случай заранее проработать основные вопросы оперативного планирования при вводе.

Вскоре после этого в Туркестанском военном округе под руководством командующего войсками началось мобилизационное учение, в ходе которого в соответствии с директивами Генштаба были развернуты по штатам военного времени полевое управление общевойсковой армии, две мотострелковые дивизии, артиллерийская бригада, а также армейский комплект частей боевого и тылового обеспечения, которые и должны были составить группировку на случай ввода войск в Афганистан.

Из воспоминаний генерала армии Ю. П. Максимова: «Развертывание управления, соединений и частей армии проходило в целом организованно, без особых срывов и эксцессов, хотя для многих офицеров и солдат запаса оно было уже далеко не первым в этом году. Очевидно, большую роль в этом сыграло активное участие местных советских и партийных органов.

С получением директивы о мобилизационном развертывании в ТуркВО (а это было глубокой ночью) я позвонил в начале Рашидову Ш. Р. (руководитель Узбекистана), а затем Гапурову М. Н. (руководитель Туркмении), и поочередно, сообщив о полученном распоряжении, попросил, чтобы местные органы власти сразу же включились в работу. Надо отдать должное, оба с

пониманием отнеслись к полученной округом задаче и на всем этапе мобилизационного развертывания войск лично оказывали конкретную, эффективную помощь, требуя от местных органов власти ответственного выполнения мобилизационных заданий».

Секретным указанием 12 декабря 1979 года командующим 40-й армией был назначен первый заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов. На него возлагалась также дальнейшая проработка всех вопросов, связанных с формированием этой армейской группировки.

Приказ о назначении на должность командарма был устным. Этот приказ существовал наряду с тем, что генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов находился на должности первого заместителя командующего войсками Туркестанского округа. Сама группировка войск, предназначенная для ввода в Афганистан, к 20 декабря еще не получила официального статуса 40-й армии, а носила название «Ограниченного контингента войск».

Большинство приказов по вводу войск в Афганистан отдавались устно.

Командующий 40-й армии был представлен командирам дивизии, отдельных соединений, полков, различных служб и управлений уже на территории Афганистана, когда была пересечена граница и войска двигались к месту дислокации. Руководитель оперативной группы министерства обороны маршал С. Л. Соколов во время облета войск представлял командарма. Таким образом, в течение двух месяцев, когда интенсивно проводилась подготовительная работа по вводу войск, Ю. В. Тухаринов был, так сказать, секретным командармом.

Командующим войсками Туркестанского военного округа было дано указание также начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Г. Ф. Кривошееву о том, чтобы штаб оказал всяческую помощь в организации армии и полностью скомплектовал ее штаты по военному времени.

«Всю эту многотрудную работу вряд ли можно было выполнить без четкого организованного функционирования штаба округа, который в то время возглавлял генерал Г. Ф. Кривошеев, обладающий высокими организаторскими способностями, оперативным мышлением, военной грамотностью, инициативой и исполнительностью. Он умел без ненужной суеты согласовывать усилия штаба округа и управлений всех родов войск и служб, направляя их на достижение главных целей, обеспечение взаимодействия между ними. Его отличали не только широкий кругозор и твердое знание своих функций как начальника штаба, но и завидная выдержка, командирский такт, умение работать с людьми, организовывать и направлять их усилия в нужное русло. Хорошо показал он себя и в боевой обстановке при руководстве операцией в районе Кундуза, проявляя твердость и мужество. Все это способствовало тому, что штаб действительно стал важнейшим органом управления» — так характеризовал генерала Г. Ф. Кривошеева в дальнейшей работе командующий Туркестанским округом генерал армии Ю. П. Максимов.

Генералы Г. Ф. Кривошеев и Ю. В. Тухаринов встретились впервые на учебе в академии им. Фрунзе в г. Москве, еще будучи капитанами. Сложились хорошие дружеские отношения. Затем знали друг друга по совместной службе в Киевском военном округе. Это была поистине удача. В ответственный судьбоносный момент иметь хорошего товарища начальником штаба округа при формировании армии и затем проведении военных действий. Это давало надежду, что тебя не подведут, «тыл», как говорится, защитит в трудную минуту.

«Членом Военного совета — начальником политического отдела 40-й армии был назначен генерал-майор А. В. Таскаев, человек еще фронтовой закалки. Полевое управление 40-й армии во главе с генерал-майором Л. Н. Зевцовым-Лабановым было укомплектовано в основном опытными генералами и офицерами округа, что облегчало становление этого органа управления. Генерал-майор В. П. Гришин, например, показал себя с лучшей стороны при вводе войск в г. Кабул, где оперативно руководил воинскими соединениями.

В первые дни ввода войск оперативно решали военные задачи генералы Н. Пономаренко — заместитель командующего войсками по боевой подготовке; Н. К. Мартынюк — командующий ВВС округа.

Хорошо себя зарекомендовал на оперативной работе полковник У. Муминов. Начальником разведки 40-й армии и одновременно начальником разведуправления округа был генерал-майор А. А. Корчагин.

Генерал А. А. Корчагин возглавлял разведку округа с 1975 года. Все это время он обстоятельно изучал сопредельного с округом соседа. Велось наблюдение, фиксировались, анализировались происходившие там события. Сам начальник разведуправления ежегодно выезжал в Афганистан для собственных наблюдений и контактов с разведсистемой. Поэтому к концу 1979 года у этого генерала была хорошая информированность о предстоящем театре военных действий. Командующему 40-й армии Ю. В. Тухаринову, можно сказать, повезло, потому что они с генералом А. А. Корчагиным дружили семьями еще с периода совместной службы в одной дивизии Киевского военного округа. Друзья не могли подвести. Как принято говорить, они могли бы пойти вместе в разведку.

В руководство 40-й армии входил также командир 103-й воздушно-десантной дивизии генерал-майор И. Ф. Рябченко, храбрый генерал прекрасно знавший вверенные ему подразделения, имевший широкое оперативное мышление.

В ходе подготовки к вводу в Афганистан дивизия И. Ф. Рябченко изучала противника. Части соединения начали дислоцироваться в Афганистане уже с сентября 1979 года. Изучался вопрос о воспрепятствовании поставок оружия и боеприпасов из Ирана и Пакистана. Сам генерал И. Ф. Рябченко до декабря неоднократно бывал в Афганистане. С небольшой группой офицеров он изучал в Кабуле местность. Стало известно, что города Баграм, Герат и Джелалабад находятся под угрозой захвата силами моджахедов — противников кабульского режима.

Для развертывания и доукомплектовывания войск 40-й армии были призваны из запаса десятки тысяч офицеров, сержантов и солдат, поставлены из народного хозяйства тысячи автомобилей. Развертывание и подготовка войск осуществлялась в обстановке секретности, под легендой проведения мобилизационных сборов и дивизионных тактических учений.

Генерал Ю. В. Шаталин, в то время командир 5-й гвардейской дивизии, находившейся в г. Кушке, в своих воспоминаниях рассказывает, что развертывание дивизии до штатов военного времени началось с весны 1979 года. «Под видом учений мы уже к июню на 75 процентов доукомплектовались личным составом срочной службы. Сам характер учений, документация, обрабатываемая по ним, полностью соответствовала последующим событиям 25 декабря».

Также развертывалась и 108-я мотострелковая дивизия.

Развертывание управления, соединений и частей армии проходило организованно. С завершением мобилизационного развертывания войск было проведено окружное командно-штабное учение с привлечением всех органов управления до штаба дивизии, бригады и отдельной части включительно. В ходе учения были основательно отработаны практические вопросы слаживания органов управления при совершении марша и действиях войск в условиях горно-пустынной местности. Это легло в основу последующего планирования действий войск при вводе их в ДРА.

В течение декабря из Генштаба округ получил в общей сложности около тридцати различных директив и распоряжений, в соответствии с которыми проводилась напряженная работа по дополнительному развертыванию целого ряда соединений и частей и их поэтапному слаживанию, а также по решению различных вопросов материально-технического обеспечения войск.

«15 декабря в военном городке 108-й мотострелковой дивизии под г. Термезом в присутствии первого заместителя начальника Генштаба генерала армии С. Ф. Ахромеева, а также генералов и высших офицеров, членов оперативной группы МО и Генштаба, Туркестанского ВО, командующий 40-й общевойсковой армии генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов доложил о ходе формирования войск. Доклад был подробным и долгим», — вспоминает генерал-майор С. Божков, впоследствии первый начальник особого отдела КГБ 40-й армии.

В войсках после отмобилизования было проведено боевое слаживание развернутых подразделений, частей и соединений, которое завершилось проведением ротных и батальонных учений с боевой стрельбой, полковых тактических учений и дивизионных командно-штабных учений.

16 декабря командующему войсками ТуркВО генерал-полковнику Максимову Ю. П. позвонил начальник Генштаба Маршал Советского Союза Ю. В. Огарков и передал указание министра обороны Д. Ф. Устинова о конкретной подготовке войск к вводу в Афганистан, которые были подкреплены затем директивой, полученной ТуркВО вечером 24 декабря 1979 года.

Директива № 312/12/001 гласила:

«С учетом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...»*

*Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов,

Начальник Генерального штаба, Маршал Советского Союза Н. В. Огарков.

Группировка войск ТуркВО для ввода в Афганистан — 40-я армия (108-я и 5-я мотострелковые дивизии, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 860-й отдельный мотострелковый полк, 353-я авиационная бригада, 2-я зенитно-ракетная бригада, 103-я воздушно-десантная дивизия и 345-й отдельный парашютно-десантный полк; 34-й смешанный авиационный корпус). Кроме того, в качестве резерва после отмотобилизования иметь: 58-ю мотострелковую дивизию в районе г. Кушки, 201-ю мотострелковую дивизию, 68-ю дивизию Среднеазиатского ВО. Также в резерве 106-ю воздушно-десантную дивизию.

Переход Государственной советско-афганской границы установлен — 25 декабря 1979 года в 15:00.

Одновременно с началом выдвижения 108-й мотострелковой дивизии на термезском направлении осуществляется пролет десанта и высадка его на аэродромы:

г. Кабул — 103-я воздушно-десантная дивизия,

г. Баграм — 345-й парашютно-десантный полк.

Ввод советских войск в Афганистан предусматривалось осуществить на двух направлениях по маршрутам Термез — Кабул — Газни и Кушка — Герат — Кандагар с задачей: разместить войска погарнизонно по этому кольцу в жизненно важных районах, создать условия для стабилизации обстановки в ДРА».

Имелось ввиду также на северо-востоке страны ввести 860-й отдельный мотострелковый полк через Хорог в Файзабад.

После получения указаний, теперь уже с конкретными сроками, были уточнены расчеты марша, поставлены задачи соединениям, частям и подразделениям, разъяснены цели ввода всему

личному составу, организовано управление войсками при пересечении границы и выдвигении в назначенные районы, а также соответствующий контроль.

При проведении разъяснительной работы с личным составом упор делался на то, что ввод советских войск в Афганистан осуществляется по просьбе его законного Правительства, для оказания интернациональной помощи в борьбе с внешней агрессией, которая в перспективе может создать угрозу для южных рубежей Советского Союза. Никаких других целей не преследуется. Как только вмешательство извне во внутренние дела Афганистана прекратится, советские войска будут выведены из страны.

Географической преградой для ввода войск на термезском направлении была река Аму-Дарья, капризная и своенравная, с наклонным течением и постоянно меняющимся руслом. Ее берега легко размываются. Все это крайне усложнило организацию как паромной переправы войск, так и наводку через нее понтонного моста. Из истории было известно, что примерно в этом же месте семь веков назад знаменитый завоеватель Азии и Востока монгольский военачальник Чингиз-Хан тоже столкнулся с проблемой преодоления реки своей армией для завоевания Афганистана и Индии. Несколько дней его армия стояла у реки. Воины не умели плавать и надежда была только на инстинкт лошадей. Тогда были сооружены плоты и в сопровождении лошадей шла переправа. В водной пучине погибло очень много воинов.

В декабре 1979 года после долгих рекогносцировочных работ и расчетов, проведенных под руководством начальника инженерных войск округа генерал-майора А. С. Королева с привлечением вызванных из Москвы специалистов военно-инженерной академии, было выбрано, наконец, место для наведения понтонного моста, определена технология его наводки и закрепления на сильном течении, а также необходимые дополнительные работы по укреплению берегов и неустойчивого грунта.

«С установкой моста были серьезные проблемы. Готовый к переправе военной техники, мост через какое-то время оказывался совершенно непригодным к этому. Понтоны либо отходили от берега, либо садились на береговую мель.

Выход подсказали местные жители, показав свои приемы укрепления берегов с помощью камыша. Мост возводился совершенно открыто. Это видели все», — вспоминает генерал Ю. В. Тухаринов.

В двадцатых числах декабря проведение мобилизационных мероприятий по развертыванию и подготовке войск в округе было в основном завершено. К этому же времени части ВВС округа, осуществили перегруппировку на приграничные аэродромы.

Все последние дни были до предела заполнены работой по контролю за завершением проведения мероприятий по подготовке войск к вводу на территорию ДРА.

24 декабря, будучи на передовом командном пункте в г. Термезе, командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов доложил о готовности войск присутствующему там заместителю министра обороны Маршалу Советского Союза С. Л. Соколову, затем доложил по телефону министру обороны Д. Ф. Устинову, и начальнику Генштаба Н. В. Огаркову, подтвердив это шифровкой.

Тогда же были внесены некоторые изменения в план ввода — 108-я мотострелковая дивизия направлялась не в Кабул, а в Кундуз и несколько позже по срокам отодвигался ввод 5-й мотострелковой дивизии в районе Кушки.

Накануне ввода по распоряжению Генштаба на территории ДРА в Кундузе состоялась встреча командарма Ю. В. Тухаринова с начальником оперативного управления афганской армии генерал-лейтенантом Бабаджаном и братом Амина — Абдуллой Амином, осуществляющим общее руководство северными провинциями Афганистана. В ходе встречи согласовывались некоторые вопросы ввода и размещения частей 108-й мотострелковой дивизии в районе Кундуза.

К назначенному времени было все готово. Через Аму-Дарью переправились передовые подразделения и под их прикрытием началась наводка понтонного моста.

«Военная операция по вводу ста тысяч войск в Афганистан была проведена практически, за 10 суток, это подтвердило высокие оперативные способности, блестящее искусство командного состава 40-й армии и оказала ошеломляющее воздействие на тех, кто противостоял новому кабульскому режиму...»*

*«Красная звезда» (23 декабря 1999 г.)

2.2.1. Время «Ч»

25 декабря 1979 года в 15:00, в установленное время «Ч», первыми к понтонному мосту подошли боевые машины пехоты разведывательного батальона 180-го мотострелкового полка 108-й мотострелковой дивизии. Пограничникам вручены списки убывающего личного состава. Граница открыта. Колонна вступила на понтонный мост, пошла...

«Конечно, мы не представляли тогда, что этой минутой открывается длительная, растянувшаяся почти на десять лет так называемая афганская война,» — вспоминал через много лет генерал-полковник Ю. В. Тухаринов.

На командном пункте армии, находившемся на пригорке у реки, наблюдали за происходившей переправой первый заместитель министра обороны СССР маршал С. Л. Соколов, начальник главного управления боевой подготовки Сухопутных войск генерал-полковник В. А. Меримский,

командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов, командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов, группа других высокопоставленных генералов и офицеров.

Части дивизии, переправившиеся на правый берег реки, построились в колонну и двинулись на г. Ташкурган. По пути движения дивизии встречались отдельные посты афганских пограничников, но они никак не реагировали на советские войска. Афганские воинские соединения придерживались строгого нейтралитета, находились в своих военных городках. Никакого огневого воздействия противника не было.

«Со многими людьми, отправляющимися тогда на афганский берег, я имел лишь беглое знакомство. Но офицеров дивизионного и полкового звена знал основательно. Для более глубокого изучения других своих подчиненных слишком невелик был срок моей службы в округе, тем более в должности командарма. Узнал я их несколько позже, уже там, в Афганистане, узнал, как говорится, в деле,» — вспоминал Ю. В. Тухаринов.

Советские войска впервые встретились с афганскими жителями в г. Ташкургане. В целом население встречало войска доброжелательно. Местные жители мало что знали о Советском Союзе.

В ночь на Рождество советские транспортные самолеты начали массированную переброску войск в кабульский международный аэропорт, приземляясь и взлетая с трехминутными интервалами. Всего за три дня приземлились около 350 самолетов с советской военной техникой и людьми.

«Всю ночь с 25 на 26 декабря я не сомкнул глаз, — вспоминал Ю. В. Тухаринов, — следя за движением войск. Утром на вертолете облетел движущиеся колонны. Отставших машин не было. Командный пункт дивизии застал в Ташкургане. Командир доложил обстановку на маршруте, после чего я уточнил решаемую задачу. Особых беспокойств первый этап марша не вызывал. Тогда немного отдохнул. Через несколько часов мы сделали еще один облет войск, переправившихся через границу. На этот раз с маршалом С. Л. Соколовым. Первое приземление — в г. Пули-Хумри, где расположилась одна из колонн дивизии. Хорошо помню эту картину. У колонны находились афганские дети, плохо одетые для зимы, босые. Подходили бородатые старики, мужчины. В стороне стояли женщины. Был живой интерес к прибывшим советским солдатам.

Там же, в Пули-Хумри, на командном пункте дивизии произошло первое совещание командного состава. Тогда же маршал С. Л. Соколов представил нового командира дивизии, им стал полковник В. И. Миронов. Так началась военная карьера этого боевого командира соединения, ставшего в последующем командующим войсками Прибалтийского военного округа, а в дальнейшем заместителем министра обороны СССР.

Частям передовой дивизии следовало продвигаться в направлении Кундуза. Но вечером, в 19.00 я получаю новую задачу — повернуть дивизию на Кабул. Необходимо было развернуть 2 полка 108-й дивизии и выдвигаться по указанному маршруту основными силами.

Маневр войск по направлению к г. Кундузу был проведен в целях отвлечения внимания американского спутника — шпиона, наблюдавшего за движением военных колонн. Срочное изменение маршрута, как предполагается, было произведено потому, что к этому времени маршал С. Л. Соколов получил подтвержденные секретные разведданные о том, что Х. Амин в ближайшие дни планирует выступить против СССР, поэтому было принято решение ввести войска в г. Кабул к 27 декабря.

После получения приказа об изменении маршрута движения командарм Ю. В. Тухаринов решил связаться со штабом соединения, однако связи не было. Командный пункт дивизии втянулся в горы и связь временно исчезла — горы экранировали радиоволны.

Минут через 30 позвонил маршал Соколов и поинтересовался поставлена ли новая задача дивизии.

— Пока не поставлена, — ответил командарм Ю. В. Тухаринов, — ввиду отсутствия связи.

— Дорогой товарищ! — Голос маршала зазвенел, — Вы понимаете личную ответственность за срыв задачи?

— Так точно, — ответил командарм.

Маршал положил трубку.

Как тут не понять, что грозило Ю. В. Тухаринову за невыполнение приказа высшего командования!

Шла работа по выполнению новой задачи. Через некоторое время удалось все-таки связаться с подполковником Т. Касимовым, командиром полка, шедшего впереди. Тот имел связь с командиром дивизии. Через него и поставили новую задачу дивизии. Дивизия двинулась на Кабул через перевал Саланг.

Наиболее трудным оказался этот переход. Предстояло преодолеть высокогорный Саланг — более 4000 м над уровнем моря. За все послевоенное время наши войска впервые осуществляли такой переход. Кстати сказать, в Центральной Азии это был единственный в истории переход военного соединения с полным боевым комплектом, численностью 12 тыс. человек, оснащенного боевой

техникой — танками, зенитками, БМП, БТРами, различной колесной грузовой техникой. Колонна втягивалась в высокие горы по обледеневшей дороге.

В горах на узкой дороге произошел несчастный случай, в результате которого погибли два человека. Это произошло так: впереди основной колонны двигалась разведка на гусеничном транспортере. В нем находился капитан Литвишков — заместитель начальника разведки с офицерами и солдатами. Дорога уходила резко на подъем и пересекала горную речку по мосту. Навстречу советской военной машине двигался огромный бензовоз на высокой скорости, буквально летел вниз.

«Такого бензовоза мы не видели ранее. Это был американский «Форд», широкий, огромная кабина с длинным двигателем. Водителю боевой машины показалось, что может быть столкновение. Он резко вильнул влево на мосту, гусеницы заскользили по обледенелой дороге и бронетранспортер рухнул с моста в речку. Вот так погибли два человека. Остальные в машине были ранены», — вспоминает генерал-майор Л. Б. Серебров, бывший в то время начальником политотдела 108-й дивизии.

Колонна дивизии двигалась дальше. Ночью она шла по северному серпантину хребта. По дороге фонарей не было, светились только фары автомашин и военной техники. Машины шли друг за другом на дистанции 8-10 метров. На подъеме буксовала колесная техника. С высоты полета самолета это выглядело так, будто огромный светящийся удав проползает среди темных расщелин. Хвост этой колонны находился еще на территории Советского Союза. Горный участок дороги протяженностью 94 км был отмечен на командирских картах как особо опасный.

Утром 27 декабря первый батальон соединения подошел к туннелю. Туннель на перевале Саланг пронзает хребет Гиндукуша с севера на юг. Значительную роль в прикрытии перевала Саланг и пропуске воинских частей сыграл 3-й батальон 56-й дшбр под командованием майора Хабарова. Ему пришлось действовать в очень тяжелых условиях высокогорья, при сильном северном ветре со снегопадом.

«С самого начала установления связи запомнился голос Хабарова и по-военному четкие, ясные и, скажу, требовательные доклады. То дайте ему альпинистов, то снайперских винтовок... В моем представлении образ Хабарова сложился в виде этакого богатыря. Потом встретил его месяца два спустя под Кабулом: худенький, рыженький... Дух у человека был поистине исполинский. Уверенно руководил батальоном. Был награжден орденом Красного Знамени», — вспоминал генерал-полковник Ю. В. Тухаринов.

Перед входом в туннель командир дивизии полковник В. И. Миронов проинструктировал командиров полков и батальонов, начальников служб о его прохождении. «Необходимо было идти в колонне на дистанции 6-8 метров. Водители-механики в противогазах, двигатели машин не глушить, чтобы избежать остановки. Вентиляция туннеля рассчитана на карбюраторные двигатели, а здесь шла дизельная техника, будет большая загазованность. Как потом оказалось, вентиляции вообще не было. Туннель — 2700 метров. Ширина для прохождения двух автомашин,

но не тяжелой техники. Высота туннеля 8-10 метров, внутри слабое освещение, которое поступало от электростанции, построенной советскими специалистами», вспоминает генерал-полковник В. И. Миронов.

Колонна начала втягиваться в туннель, сразу же ощутилась нехватка кислорода. К середине туннеля чувствовалось головокружение и неприятный привкус во рту. Кругом ревущие двигатели и клубы дыма, гари, рации не слышно.

Командирская машина была остановлена впереди идущей техникой как только прошли чуть более половины туннеля. Остановка длилась более 20 минут. Командир дивизии посмотрел на механика-водителя — тот стал засыпать от угарных газов. Пришлось будить. Противогазы не помогали. Причина остановки не известна. Приняли единственно правильное решение — бежать в голову колонны и выяснять положение дел. Полковник В. И. Миронов, начальник политотдела полковник Л. Б. Серебров бегом бежали более километра, прежде чем добрались к южному выходу. Оказалось на выходе стояла автомашина ЗИЛ-157 и не двигалась с места, перегородив движение. Пришлось машину быстро убрать с дороги. Колонна пошла дальше. Тем самым была предотвращена гибель многих солдат и офицеров, находившихся в туннеле. Остановка в нем была равносильна смерти.

При спуске с горного хребта от туннеля — новая проблема. Слишком крутой спуск, ледяной накат. Техника идет юзом. Запасов песка не хватало. Поставили жесткие сцепки, припасенные заранее. Колесную технику придерживали на тросах танками. Так и спускались не спеша — главное чтобы не было человеческих потерь. От этого спуска до Кабула не более 60 км Соединение выполнило приказ командования, в назначенное время к 17:00 первый батальон спустился с гор и находился в пригороде Кабула.

Командир дивизии В. И. Миронов и полковник Л. Б. Серебров на «УАЗике», взяв БТР прикрытия, направились к Кабулу для встречи с генералом Н. Гуськовым — руководителем оперативной группы советских войск в Кабуле. Подъехав к указанному месту, вошли в здание. Поприветствовали десантников. В кабинете генерала Н. Гуськова была связь с Министерством обороны СССР. Он уже доложил в Москву о прибытии 108-й дивизии под Кабул. Раздался телефонный звонок. Командиру дивизии полковнику В. И. Миронову пришлось лично говорить с начальником Генерального штаба маршалом Н. В. Огарковым. Была поставлена задача дивизии — блокировать состав афганских войск в казармах, танки в парке, не дать возможности выйти личному составу местных формирований.

В результате проведения военной операции по блокированию афганских частей, было осуществлено сдерживание противника в Кабуле и устранено непредвиденное нападение. Активного противодействия не было. В ходе выдвижения в пригород Кабула был обстрелян личный состав ремонтно-восстановительного батальона. Ночью слышались отдельные выстрелы.

Военная операция по вводу войск в Кабул заканчивалась. Последним препятствием был дворец Тадж Бек — резиденция премьер-министра Х. Амина на юге города. Район дворца был хорошо

укреплен. Там находились отборные гвардейские части, преданные Амину. Предстояла жесткая схватка.

«...от несчастного лейтенанта с полным параличом рук и ног после того, как ему на пятый день еще неизвестной никому войны осколком перебило позвоночник у самой шеи, особист требовал клятвенное заверение, что он никогда ни о чем не расскажет. Пытался даже взять расписку. Только вот нечем было лейтенанту расписаться...»*

*Из рассказа начальника штаба батальона специального назначения подполковника Н. А. Петунина. Афганистан. Январь, 1980 г.

2.2.2. Взятие дворца Тадж Бек

27 декабря воздушным транспортом практически закончилась переброска под Кабул, на его аэродром, сил 103-й воздушно-десантной дивизии. В городе уже дислоцировались более 5-ти тысяч десантников. В Кабуле с 24 декабря находилась советская правительственная делегация, прибывшая с дружеским визитом. Был организован прием в отеле «Кабул», на котором присутствовали многие официальные афганские лица. Прием был дан и в гостинице «Интерконтиненталь». После банкета афганские представители были взяты под стражу советскими офицерами.

Десантники брали под охрану общественные здания. Подразделения ВДВ находились на основных перекрестках города, занимали склады снаряжения, здания радиостанции, другие важные объекты. Под охрану были взяты главные транспортные артерии: Хайратон — Кабул, Кушка — Герат — Шинданд, и Пули-Хумри — Кундуз — Файзабад.

К полудню части 108-й мотострелковой дивизии под командованием полковника В. И. Миронова заняли позиции в Кабуле и Баграме, блокировали афганскую полицию, армейские части, столичную мятежную афганскую танковую бригаду. Ни один танк противника так и не покинул свой парк.

Вместе с армейскими частями в Кабуле работала специальные группы КГБ «Зенит» и «Гром». Этими группами были подорваны главные телефонные линии. Кабул остался без связи. Также они вывели из строя некоторые секретные объекты правительства ДРА. Перед штурмом дворца Тадж Бек, резиденции Х. Амина, была выведена из строя секретная система связи с важнейшими объектами и зданиями по всей территории ДРА.

<<

2

3

4

5

>>

27 декабря 1979 года отряд «Зенит» действовал в составе 9-ти групп во главе с наиболее опытными боевыми офицерами. Дворец Амина — Я. Семенов, Царандой (полиция) — Ю. Мельник, Генштаб — В. Розин, КАМ (военная контрразведка) — Р. Шафигулин, тюрьма — Ф. Коробейников, телеграф — В. Овсянников, «колодец» — Б. Плешкунов, почта — А. Пунтус, телецентр — А. Рябинин.

Из воспоминаний В. Федоренко, офицера спецподразделения «Зенит»:

«Видимо информация о возможной вооруженной акции просачивалась. Обстановка осложнялась. По нашим данным, Амин дважды конспиративно посещал американское посольство. Много позже мы узнали, что операцию, подобную той, что совершили мы, по непроверенным данным, планировали и американцы. Но по срокам мы их опередили... 27 декабря в 18:30 на двух Газ-66 наша группа из 12-ти человек двинулась к телеграфу. По дороге нас обстреляли со стороны американского посольства. Видимо, у охраны на выдержали нервы. Вообще, в городе уже кое-где постреливали».

Сигналом к началу военных действий в Кабуле послужил подрыв «колодца» кабельных линий связи в центре города — это был сигнал всем группам на штурм объектов. Мощность взрыва была велика, услышать его можно было во всех концах города, психологическое воздействие было колоссальное.

Из воспоминаний участника отряда КГБ «Зенит» Б. А. Плешкунова: «Все началось со взрыва, «колодца» связи. В ходе операции Кабул был отключен от внешнего мира. Одновременно взрыв послужил сигналом к общему штурму. В мое подчинение определили десять человек. «Колодец» связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу — банк, ресторан, кинотеатр. Так что в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи. Решили действовать после 19:00, когда уже наступал комендантский час и площадь опустела. Выехали на «УАЗах». Две машины

остановились у ресторана, а наша подъехала к люку, который вел в «колодец». Дождались условного сигнала — хлопнула резко дверца автомобиля. Значит пост Царандоя на месте. Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых. Трое человек заслонили нас. Валерий Волох, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке опустил в «колодец» два мощных заряда. В «колодце» была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверили заранее. Взрыватель поставили на 15 минут. Сели в машину, окликнули Хаятова, который вошел в роль и увлеченно беседовал с постовым, угощая его сигаретами. Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, все ли успели сделать? Но часы уже показывали 19:15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи».

Специальные группы отряда «Зенит» стали занимать здания министерства обороны, министерства внутренних дел (Царандой), штаба ВВС.

Один из руководителей всей операции в Кабуле начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, вспоминая эти события в своей книге, подтверждал, что взятие такого объекта, как генеральный штаб афганской армии, было делом трудным. Ведь противник был серьезным. Начальник афганского Генштаба Якуб — в прошлом выпускник Рязанского училища ВДВ, волевой, решительный генерал. Его окружала верная охрана — более 100 человек офицеров, рота солдат. «Разведывательно-диверсионной группе в продолжительной жесткой схватке удалось отсечь и изолировать руководство генштаба, сковать огнем подразделение внутренней охраны, уничтожить узел связи, не допустить проникновения внешней охраны внутрь здания. В результате, — докладывал командир группы, — «оказались уничтожены лица, которые сопротивлялись, взяты пленные. Группа из 16-ти разведчиков-диверсантов выполнила основную задачу, понесла минимальные потери — 3 раненых». (Нач. афганского генштаба Якуб был убит).

Наиболее сложной и широкомасштабной акцией спецподразделений был штурм и взятие дворца Тадж Бек или, как его еще называли Дар-уль-Аман. Это резиденция Х. Амина, главы правительства ДРА.

Здание было построено в классическом английском стиле, в начале XX в. 3-4 этажное, с колоннадой вдоль фронтона, полукрытыми террасами с обоих концов здания, остроконечной крышей. Сам дворец находился на возвышенном месте, с которого открывался широкий обзор на окружающие вдалеке заснеженные высокие горы. Дворец символизировал власть над горной страной.

Гора-холм, на которой стоял дворец была тщательно облагорожена. Дорога к дворцу была серпантинная, поэтому прежде чем подъехать, нужно было сделать два полных круга вокруг дворца. Именно в его стенах происходили все значительные исторические события: смена власти и, как следствие, — гибель его обитателей.

В недавней истории Афганистана там погибли члены семьи короля Дауда, дворец пережил время, когда с помощью переворота был свергнут республиканский режим Мухаммеда Дауда,

двоюродного брата короля, уничтожив при этом его самого и всю его семью в апреле 1978 года. Теперь, похоже, черед настал Х. Амина.

В декабре 1979 года дворец был превращен в неприступную крепость. Повсюду были расставлены мины, зарыты в землю танки.

Охрана дворца афганскими подразделениями, верными Х. Амину, состояла из тех «колец». Внутреннее кольцо составляли преданные гвардейцы — рота личной охраны Амина, располагалась во дворце. Численность ее была 120 человек. Подразделение состояло из родственников и особенно преданных Амину людей. Это было элитное подразделение афганской армии, обучавшееся по программе командос.

Среднее кольцо охраны дворца — «мусульманский» батальон, прибывший из СССР в качестве военной помощи. Его численный состав был до 550 человек. Это был отряд специального назначения, сформированный в Туркестанском военном округе при участии Главного разведывательного управления министерства обороны СССР. Командовал отрядом майор Л. Халбаев. «Мусульманский» батальон назывался так за свой национальный состав, там были в основном узбеки, туркмены, таджики. Офицеры — профессионалы спецназовцы — русские. Задача отряда была таковой: находясь в тылу афганских войск, вести войсковую разведку и быть готовым вступить в бой при надлежащем сигнале, а также принять меры к воспрепятствованию бегства Х. Амина. В составе отряда находились высшие офицеры и генералы КГБ Ю. Дроздов, Э. Козлов, О. Швец, они были переодеты в форму рангом ниже и выполняли специальные секретные задания.

Из воспоминаний Я. Семенова: «17 декабря вместе с «мусульманским» батальоном мы передислоцировались в окрестности дворца. Вторым кольцом. Конечно, для его «охраны». В первом стояли афганцы. Практически каждый день мне приходилось выезжать в советское посольство, где штатские и военные руководители, задавая одни и те же вопросы, пытались выяснить, насколько мы готовы к штурму дворца. Каждый день мы старались узнать что-либо новое по объекту «Дуб» — так для конспирации нарекли дворец Амина. Беседовали с афганскими офицерами, объезжали дворец на «газике», анализировали ранее полученную информацию».

Третье кольцо охраны — бригада, которую возглавлял главный порученец Х. Амина — майор Джандат. Бригада состояла из трех пехотных батальонов, танкового батальона, пулеметной и минометной рот, хозчасти, автомобильного взвода. В охране стоял также зенитный полк, который был вооружен восемью стомиллиметровыми зенитными пушками, двенадцатью спаренными зенитными пулеметами. Общее количество охраны достигало двух тысяч человек.

Советским командованием была разработана специальная войсковая операция по взятию дворца под названием «Шторм-333».

Непосредственным разработчиком этого плана был офицер ГРУ В. Колесник, в будущем Герой Советского Союза.

Организация и особенности несения караульной службы во дворце были изучены советскими командирами «мусульманского» батальона. Они знали в лицо всех телохранителей Х. Амина, степень оснащённости охраны бронемашинами и средствами связи. Были известны также внутреннее устройство дворца, планы комнат и коридоров.

К штурму дворца Тадж Бек готовились специальные подразделения разведчиков-диверсантов, группа КГБ «Зенит», под командованием полковника Г. Бояринова, группа «Гром» М. Романова (из антитеррористического подразделения КГБ «Альфа»), также подразделения воздушно-десантных войск численностью более тысячи человек.

В тот день — 27 декабря 1979 года — во дворце проходил прием министров, членов Политбюро. Шли деловые переговоры. За столом еда была отравлена. Все, кто употреблял эту еду заснули или потеряли сознание.» В свое время решение об устранении Амина было обсуждено и одобрено на Политбюро ЦК КПСС. Поручение было дано КГБ, там существовал 8-й отдел Управления «С», который проводил специальные акции. На роль убийцы Х. Амина 8-й отдел выбрал подполковника М. Талёбова, азербайджанца, который провел несколько лет в Кабуле и мог сойти за афганца. Поздней осенью 1979 г. Талёбов прибыл в Кабул, снабженный ядом, приготовленным 8-м отделом. Притворившись афганским поваром, он получил работу на кухне президентского дворца. По словам В. Кузичкина, перебежчика из управления «С», рассказавшего через несколько лет: «Амин был осторожен, как член семьи Борджа. Он постоянно менял пищу и напитки, словно ожидая, что его отравят».

Но отравление Х. Амина не состоялось. Отравленного Х. Амина спасли советские военные врачи, которых вызвали во дворец.

К 19:00 пришел приказ приступить к операции по взятию дворца. К назначенному времени советские десантники, участвующие в штурме, прибыли на автомашинах с афганскими опознавательными знаками. Советские спецподразделения были одеты в афганскую форму и отличались от охраны дворца Х. Амина только белой нарукавной повязкой. Хотя в черной афганской ночи повязки были мало заметны. Суть этого переодевания заключалась в том, чтобы дезориентировать афганскую охрану Х. Амина, не дать ей разобраться кто же на самом деле штурмует дворец. Охрана так и не разобралась в противнике. К концу боя, слыша русскую речь и русский мат, сопровождавший атаку, уже догадывалась, что там присутствуют советские подразделения, но причины столь агрессивного нападения им были не ясны.

Перед штурмом вокруг дворца установили мины. Как стемнело, здание потряс мощный взрыв. Погас свет, раздались крики. Х. Амин, уже вставший на ноги, спросил, как подобное может происходить в его доме, кто несет за это ответственность, случайность это или диверсия, после чего ушел в свой кабинет.

В это время советские войска окружили дворец. Несколько минут спустя небо осветили две красные ракеты сигнал к штурму. Советские спецподразделения на бронетранспортерах двинулись вперед.

Афганская охрана дворца оказывала упорное сопротивление. «Мусульманский» батальон открыл ураганный огонь из «Шилок» по дворцу, по танковому батальону афганцев, — вспоминает непосредственный участник этих событий генерал-майор В. Колесник.

«Первая рота под командованием старшего лейтенанта В. Шарипова должна была помочь двум группам спецподразделения «Альфа» подобраться к дворцу. Вторая и третья роты отряда и присланные на подмогу десантники под командованием старшего лейтенанта Востротина должны были блокировать охрану афганцев. Группа старшего лейтенанта Турсункулова и группа «Зенит» обходили дворец сзади по холму. А все холмы заминированы — пришлось лезть по восьмиметровым штурмовым лестницам.

Рота Шарипова на БМП двинулась к дворцу по дороге серпантина. Охрана дворца тут же открыла по ним огонь. Головную БМП подбили. Но десантники вовремя из нее выбрались.

В это время спецназовцы уже ворвались во дворец и начали бой с личной охраной Х. Амина. Столкновения вокруг дворца и внутри него были особенно тяжелыми, люди Х. Амина сражались до последнего патрона. Охрана была рассечена на части. Вскоре спецназу удалось взять в плен командира охраны дворца и его заместителя. При этом погибло два спецназовца. К тому времени «Шилки» должны были уже прекратить огонь. Но эфир забили крики о помощи экипажа одного БТР, который свалился в канаву. Так что «Шилки» еще били по дворцу, когда в нем уже «работали» подразделения советской армии.

Пока шел бой, капитан М. Салихов со своей группой захватил у афганцев 2 танка и на одном из них двинулся к Генштабу. А наши десантники вместе с «зенитовцами» начали вести по ним огонь из гранатометов, ведь одеты все в афганскую форму. Слава Богу ребята успели выскочить и на «русском устном» объяснили, кто есть кто... Собственно, только по мату своих и узнавали...»

Командир группы старший лейтенант Турсункулов рассказал, как появились первые раненые: «Мужики из «Альфы» орут нам: «Чего лежите. Помогите!» А мы по приказу не должны были штурмовать. Но я взял да и скомандовал своим людям — «На штурм!»

Как мы бежали, что творили, я сейчас в деталях не помню: ногой пихаешь дверь, швыряешь гранату, залетаешь следом и поливаешь свинцом все и вся... И я очень благодарен своим солдатам, вот они сработали как часы — никто не останавливался над своими ранеными. Все действовали быстро, понимали, иначе всем будут гранты».

Позднее Р. Турсункулов получит орден именно за то, что нарушил приказ...

Участник штурма дворца Тадж Бек, сотрудник группы «Зенит» Я. Ф. Семенов вспоминает события так: «В 18:45, за полчаса до сигнала о штурме для всех групп, работавших по другим объектам, наша колонна из трех БТР двинулась ко дворцу. Четвертый БТР отстал по непонятным причинам. Когда по броне застучали пули от ДШК, стало ясно: игры кончились, началась война. Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Второй БТР подожгли. Борис Суворов погиб, почти все ребята получили ранения. Выскочив из БТР мы вынуждены были залечь. Ад стоял кромешный!

Через 3-5 минут после нас пошла колонна «Грома» на 7 машинах (командир М. Романов). Видел, как их колонна змейкой вытягивалась по серпантину. Мы десантировались и спрашивали себя — где же наши братья «громовцы». Скорее бы. Наша «Шилка» бьет по дворцу, снаряды отскакивают от стен, как резиновые. На наши, кстати, головы. Из окон «поливают»... Трудно сказать, сколько пролежали, прижавшись к земле, может быть, всего несколько секунд, а показалось — вечность. Наконец «Шилка» подавила афганский пулемет, и мы бросились к входу в здание.

Там встретились с группой Миши Романова. Вместе с ними буквально проскочили ошеломленных охранников и ворвались внутрь здания. Не задерживаясь на первом этаже, кинулись на второй. Из 52 человек, начавших штурм, на второй этаж поднялись только шестеро: Виктор Анисимов, Сергей Голов, Виктор Карпухин, Эвальд Козлов, Саша Плюснин и я. Затем подключились Карелин Саша и Курбанов Нурик. Атака продолжалась. Бросок гранаты прямо по коридору, автоматная очередь, перебежка, и снова: граната, очередь, перебежка... Из одной комнаты неожиданно раздался женский крик: «Амин! Амин!» Все стало ясно... Я доложил по радио руководству: «Главный — конец. Имеем потери. Что делать?» В ответ поступила команда: «Отходить.» С начала штурма прошло 45 минут».

Эти напряженные минуты боя вспоминает Саид Гулябзой, активный член «Парчам», принимавший участие в штурме дворца, впоследствии ставший министром внутренних дел Афганистана: «...моя задача была войти на второй этаж Тадж Бека. Собрать документы — они на «дари». Сопротивлялась охрана Амина сильно. Вооружена она была хорошо. Тогда там был батальон связи, а в нем — наши сторонники. Они должны были отключить телефонную связь в момент начала штурма. Когда захватили Тадж Бек, там было много семей членов политбюро, руководителей. Им было плохо. Многих увезли в больницы. Когда поднялись на второй этаж — увидели Амина, он был убит. Там же лежал его старший сын, адъютант, младший сын, а также женщина. Премьер-министр ДРА Х. Амин был убит в баре. Афганского руководителя нашли в одних «адидасовских» трусах, с перекошенным лицом. Кто в него стрелял до сих пор остается неясным». Судьба его трех дочерей также никогда в прессе не освещалась.

К 21:00 27 декабря здание дворца Тадж Бек было освобождено от охраны Х. Амина. В ходе акции был убит советский врач полковник В. Кузнеценков. Погиб командир группы «Зенит» полковник Г. И. Бояринов. Посмертно он удостоен звания Героя Советского Союза.

Солдаты аминовской охраны сдавались, но с небольшими группами тех, кто не сдался, «мусульманский» батальон продолжал бой еще сутки. В плен было взято до 1700 афганцев и более 400 афганцев были убиты.

События штурма дворца вспоминает Герой Советского Союза, первый командир группы «Вымпел» Э. Г. Козлов: «В декабре 1979 года мне казалось, что мы преодолевали какие-то бесконечные широкие лестницы, а оказалось там лестница узенькая, как в подъезде обычного дома. Как мы восьмером шли по ней — непонятно и, главное, остались живы. Так случилось, что я шел в бой без каски и бронезилета, теперь жутко представить, а в тот день и не вспомнил... Все во мне работало на бой, и в бою я должен был победить».

После штурма «мусульманский» батальон был расформирован.

В 21:00 кабульское радио передало сообщение о смене власти в стране. Правительство Афганистана возглавил Бабрак Кармаль.

Б. Кармаль с группой своих приверженцев «парчамистов» был заблаговременно перемещен в Баграм из Советского Союза под охраной специального подразделения «Альфа». Ожидая своего часа, будущий руководитель Афганистана находился в обыкновенной армейской палатке несколько дней.

И вот, наконец, произошло историческое событие. «Находясь в Кабуле, — вспоминал командующий 40-й армией Ю. В. Тухаринов, — я получил сообщение о том, что в результате государственного переворота, совершенного 27 декабря, к власти в Афганистане пришло новое руководство во главе с Бабраком Кармалем. Генеральным секретарем ЦК партии и представителем революционного совета также стал Б. Кармаль. Он же был назначен премьер-министром и главнокомандующим вооруженными силами ДРА».

28 декабря по кабульскому радио выступил Б. Кармаль и сообщил, что «диктаторский режим кровавой клики Амина свергнут». Далее радио передало, что революционный суд за преступления против благородного народа Афганистана приговорил Х. Амина к смертной казни и что приговор приведен в исполнение.

К Новому году в Кабуле выпал обильный снег... «Его шурави — русские принесли», — говорили афганцы.

«В 1979 году Красный Король начнет 10-летнюю войну с Афганистаном».

Нострадамус. Пророческое изречение

Глава 2.3. Советские войска в Афганистане

Конечно, не для всех иностранных дипломатов это были новости. В Афганистане усиленно работали специальные разведывательные службы: американские, английские, пакистанские. Они выясняли положение дел, движение советских войск, их дислокацию... Информированность у них была достаточная. К слову сказать, именно американские средства массовой информации передали первыми о вводе войск в Афганистан и что командует группировкой генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов.

Радиоволны донесли голос советского диктора:

«В условиях расширяющегося вмешательства и провокаций внешней и внутренней реакции, с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года, правительство Афганистана обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь. Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

28 декабря, находясь в расположении штаба 103-й воздушно-десантной дивизии, командующий 40-й армии руководил ходом выдвижения воинских частей в назначенные районы сосредоточения в соответствии с установленным графиком.

«Отдыха практически не было. Спать приходилось урывками. Необходимо было постоянно заслушивать доклады о движении войск и срочно решать вопросы по размещению частей на установленной территории — их дислокации. Создавались минимально необходимые условия для жизни и быта личного состава. Была снежная зима, очень морозная, с порывами холодного ветра».

28-29 декабря двумя полками вошла в Афганистан через Кушку 5-я гвардейская мотострелковая дивизия. Ее части расположились в Герате и Шиндане. В последующем зона ее ответственности расширилась до Кандагара. В состав этой группы вошла 70-я отдельная мотострелковая бригада. Командир группы генерал-майор Ю. В. Шаталин.

«Активную поддержку в размещении подразделений 5-й мотострелковой дивизии в Герате и Шиндане, а также в населенных пунктах западной границы Афганистана оказал нам командующий 40-й армии генерал-лейтенант Ю. Тухаринов, — вспоминает генерал-майор В. К. Павлюченко, бывший тогда начальником политотдела дивизии. Генерал Тухаринов курировал гвардейскую дивизию, лично принимал участие в планировании и осуществлении боевых операций дивизии против групп моджахедов, часто выезжал на места боевых действий. Авторитет командующего армией был у нас абсолютный. Он действовал уверенно, со знанием военного дела. На место боевых действий с командующим вылетал командир дивизии, его заместитель, начальник разведки. Возвращались чаще в хорошем настроении, бодрые. Отдыхали за обедом. Потом проводили разбор операции.

Интересна сама обстановка подведения итогов операции. Длилось обсуждение обычно 2-3 часа. Все это время командиры, офицеры, начальники отделов, не выходили из помещения. Во время таких обсуждений разрешалось при командующем курить на месте — сглаживалась официальная обстановка».

На северо-востоке Афганистана советские войска встретили серьезное сопротивление с самого начала ввода 870-го отдельного мотострелкового полка в Файзабад из Хорога. Была подорвана дорога в скалах, на продолжительное время продвижение остановилось. Эти провинции практически вышли из-под контроля центральной власти и существовали самостоятельно. Из Кундуза были посланы подразделения 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады (командир бригады полковник А. Плохих) на встречу мотострелкового полка, но и ее тяжелая техника вскоре уперлась в подорванный над ущельем мост.

«Когда были введены основные силы группировки «ограниченного контингента» я почувствовал некоторое облегчение. Но напряжение, связанное с трудностями этой огромной круглосуточной работы уже на протяжении 2-х месяцев не могло пройти просто так.

Я выкуривал тогда по две пачки сигарет в день. Ходил черный. И вот 31 декабря — температура 39 с десятками. Воспаление легких. Отправили в Термезский госпиталь, там еще находилось управление армии и оперативная группа министерства обороны. Через пять суток поднялся и вылетел в Кабул вместе со штабом 40-й армии», — вспоминал генерал-полковник Ю. В. Тухаринов.

С начала нового 1980 года дни были заполнены работой по управлению войсками армии, размещающихся в заданных районах. К середине января ввод советских войск в Афганистан в основном был завершен. Были введены также 201 мед в район Кундуза, 66 мсбр, два отдельных мотострелковых полка и ряд отдельных частей специального назначения. Общая численность личного состава, если учитывать части тылового назначения, специальные, инженерные части и прочие составляла около 100 тыс. человек. За время ввода войск произошло серьезное происшествие, связанное с потерей личного состава и техники: при столкновении с горной вершиной разбился военно-транспортный самолет ИЛ-76, при этом погибло 44 десантника. Это к была тяжелая трагедия.

Потери личного состава в частях советского «ограниченного контингента» к 31 декабря 1979 года составили 70 солдат и 9 офицеров... Вскоре после ввода войск армейские артиллерийские и зенитно-ракетные бригады, а также отдельные ракетные дивизионы были возвращены обратно на территорию округа. Несколько позднее были выведены из Афганистана и танковые полки двух дивизий.

С вводом 40-й армии на территорию Афганистана, армия оставалась в составе Туркестанского ВО с сохранением ее подчиненности командованию войсками округа и ответственности ТуркВО за все стороны жизни и боевой деятельности войск. Войска начинали обустриваться, организовывали жизнедеятельность. Были взяты под охрану основные автомобильные трассы, аэродромы в

Кабуле, Баграме, Джелалабаде, Кандагаре, Шиндане, Герате, Кундузе и Мазари-Шарифе, а также важнейшие объекты советско-афганского экономического сотрудничества — газопромислы на севере страны Джаркурдук и Шибарган, электростанции в Суруббе, Наглу, Пули-Хумри, Кабуле, туннель на перевале Саланг, завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе и др.

Под Кабулом развертывался госпиталь с современным медицинским оборудованием.

Размещение советских войск в Афганистане происходило по согласованию с местной администрацией. В основном на землях не пригодных к земледелию. Так, командарм Ю. В. Тухаринов вспоминал случай, когда губернатор одной из северных провинций, предложив часть земель земледельческого назначения для размещения военного городка, как-то неуверенно подписал свое распоряжение. Командарм, тут же сообразив, что это вызовет негодование народа, использовавшего эту землю, указал на карте каменистый склон и предложил заменить первоначальный вариант. Губернатор улыбнулся и написал от руки свое утвердительное решение.

В Афганистане 80% территории занимают хребты Гиндукуш, Паромиз, Средне-Афганские горы (высота 4-6 тыс. м), плоскогорья, около половины площади лежит выше 1800 м над уровнем моря.

В географическом отношении Гиндукуш резко делит страну на две части: северная часть — районы преимущественно поливных и богатых культур, лучших в стране пастбищ; южная — бесплодные горы, каменистые пустыни с редкими оазисами.

Малочисленность дорог, преобладание в горах пешеходные троп и караванных путей — ограничивает движение войск и применение тяжелой техники. Затрудняют ее действия и резкий перепад суточных температур, сильные ветры, в том числе знаменитый северо-западный «ветер 120 дней» — «афганец». Это ветер огромной силы, несущий горячий и пыльный воздух, который проникает в любые щели и изнуряет людей. Укрыться от него почти невозможно. Большая запыленность создавала трудности для действия авиации и значительно снижала маневренные возможности бронетанковой техники в горных районах.

В Афганистане также существовала сильная бактериальная зараженность рек и водоемов, что в дальнейшем привело к массовым кишечным заболеваниям в войсках 40-й армии. К сожалению, вовремя санитарная служба не смогла предотвратить эти эпидемии.

Размещение войск происходило в основном в лагерном палаточном варианте по строго разработанным планам, с оборудованием палаток деревянными каркасами, полами и отопительными печами. В редких случаях размещение производилось в каменных постройках-крепостях, их расположение не всегда было удобно и крепости сложно было приспособить к современным требованиям военной обстановки.

В Кабуле тем временем разворачивался передовой командный пункт (ПКП). Точнее он был на юго-западной окраине Кабула, вблизи дворца Дар-уль-Аман («Топаи Тадж Бек» — командный пункт спутникового слежения) — бывшей резиденции Амина.

Штаб 40-й армии вначале размещался рядом с дворцом по-походному в командно-штабных машинах и палатках. Ночью спали в кунгах.

«Моим адъютантом в ту пору был лейтенант Л. М. Салтыков. Во многом благодаря ему мой быт был организован в Афганистане в начальный период. Он был находчив, со смекалкой относился ко многим проблемам».

В самом дворце велись ремонтно-строительные работы. После взятия его частями спецназначения, стены здания были в значительной степени повреждены. Во дворце затем разместился штаб 40-й армии, в кабинете Амина — командующий армией.

В течение первых дней нового года происходило согласование действий советского военного командования в Афганистане с советским дипломатическим корпусом, советниками различных советских гражданских организаций по совместной деятельности. Для многих из них Афганистан был новым поприщем деятельности.

«Тесный рабочий контакт установился у штаба 40-й армии с аппаратом Главного военного советника при министерстве национальной обороны Афганистана, возглавляемым в то время генерал-полковником С. К. Магометовым. Всего в Вооруженных силах Афганистана было до 2 тысяч советских военных советников.

С 1978 по 1989 годы погибло немало военных советников, специалистов, переводчиков. В их числе и генералы П. И. Шкидченко, Н. А. Власов.

«Мне особенно близок был по совместной работе генерал-лейтенант Петр Иванович Шкидченко, заместитель Главного военного советника по боевым действиям. Знающий и разбирающийся военный специалист. Был храбр и мужественен. Погиб он во время руководства боевой операцией в районе Хоста в 1982 году. Это была тяжелая потеря. Память об этом военачальнике останется надолго», вспоминал Ю. В. Тухаринов.

«Хорошее отношение было к руководству 40-й армии со стороны работников советского посольства в Кабуле и лично Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в ДРА Ф. А. Табеева. На деловой и товарищеской основе укреплялись наши связи с руководящим составом министерства национальной обороны ДРА, других ведомств республики».

В Кабул 4 января 1980 года прилетел первый заместитель министра обороны С. Л. Соколов. В тот же день в сопровождении посла Ф. А. Табеева, командующего войсками ТуркВО Ю. П. Максимова и генерал-полковника В. А. Меримского он был принят Бабраком Кармалем в правительственной особняке на южной окраине столицы, который затем надолго стал резиденцией маршала С. Л. Соколова в периоды его приездов в Кабул с оперативной группой Министерства обороны. Встреча проходила в дружественной атмосфере, в ходе которой Б. Кармаль и Ф. А. Табеев делали упор в основном на общественно-политические аспекты, а С. Л. Соколов — на задачу советских войск по стабилизации обстановки в Афганистане при их пограничном расположении без включения в непосредственную вооруженную борьбу и необходимости укрепления вооруженных сил ДРА для организации самостоятельных боевых действий афганских войск против моджахедов. Здесь же состоялось знакомство с министром обороны ДРА М. Рафи.

В январе 1980 года в Кабуле побывал Ю. В. Андропов. Главной его задачей было наладить взаимодействие всех ведомств: КГБ, посольства СССР, аппарата главного военного советника и других.

В целом первый этап ввода войск в Афганистан прошел организованно. В первые два месяца после размещения по гарнизонам в определенной мере стабилизировалась обстановка в тех районах, где войска располагались. Местные жители относились к советским войскам доброжелательно, проявляя живой интерес к прибывшим «шурави». В этот период были проведены совместные субботники, оказана врачебная и другая помощь местным жителям, прошли вечера дружбы, состоялось взаимное посещение частей делегациями. Присутствие советских войск оказывало влияние на поддержание общественного порядка в районах их расположения.

По оценкам специалистов и исследователей, на оперативно-техническом уровне ввод советских войск стал полным успехом, свидетельствующим о ценностях некоторых элементов советской доктрины. Эти элементы заключались в том, что Москва смогла в полной мере, несмотря на все признаки, предвещавшие возможность акции с ее стороны, использовать момент внезапности против Кабула, Пакистана и Соединенных Штатов, что удалось осуществить взаимодействие между ВВС, разведывательными и другими частями и подразделениями и что их операции на всех уровнях включали маскировку и дезинформацию.

Американский аналитик О. Бэлланс утверждает, что ввод советских войск был спланирован очень хорошо. Это может соответствовать действительности, если говорить об организованных и технических перемещениях войск и согласовании взаимодействия частей и подразделений.

Фактически предпосылки для ввода войск, обусловленные советской системой, существовали уже давно. Сложность дальнейшего пребывания советских войск в Афганистане состояла в том, что народ афганский не понимал до конца цель советской акции. Афганское общество в действительности состояло из кланов с четко выраженной патриархальной структурой. Традиционно большим влиянием располагало духовенство. Одновременно переоценивалось влияние НДПА и афганского руководства. Советская система не имела перспективы оказать широкое влияние и перестроить уклад афганского общества.

В то же время лидеры оппозиции — «Исламские комитеты» — на местах заметно активизировали свою подрывную деятельность и усилили работу по привлечению населения на свою сторону. При этом они умело использовали наличие сильного религиозного влияния, традиций и обычаев в стране, зависимость населения от богатых и зажиточных людей, а также нерешенность органами власти жизненно важных вопросов — о земле, свободе, торговле, защите личности... Постепенно стали усиливаться антисоветские настроения. Расчет на то, что армии удастся просто стоять гарнизонами, не оправдался, войска постепенно втягивались в военные действия.

Афганистан был раздроблен на несколько территорий, контролируемых определенными группировками мусульманского толка, поэтому новоявленный кабульский режим не владел полностью обстановкой в стране в начале 1980 года. Единственным стабилизирующим фактором в Афганистане была 40-я советская армия. На несколько месяцев, с января по март 1980 года, гражданская война поутихла. 40-я армия предотвратила полный раскол страны на множество изолированных территорий. К концу года в основном была сформирована афганская армия, поддерживающая режим, но она не в состоянии была самостоятельно решать боевые задачи и не имела полной поддержки народа Афганистана. Численность ее была чуть более 60 тыс. человек.

Между тем в стане врагов нового кабульского режима произошло формирование единого антисоветского, антирусского фронта с исламским уклоном. Началось активное противостояние кабульскому режиму с поддержкой иностранной помощи. Советские войска оказались заложниками гражданской войны в Афганистане.

«Опаленные» войной (январь-август 1980 года)

«Достоинства военные суть: для солдата — бодрость,
для офицера — храбрость, для генерала — мужество,
руководимые началами порядка и дисциплины,
управляемые бдительностью и предусмотрительностью».

А. В. Суворов, князь, генералиссимус российской армии.

Глава 3.1. Формирование армейской группировки

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов в напряженной военной обстановке января 1980 года начинал организовывать действия вверенной ему армии и создавать условия для функционирования военного организма, ставшего затем опорой в военной деятельности на территории иностранного государства в сложных природно-климатических условиях в течении последующих десяти лет.

Личность Ю. В. Тухаринова, как командующего армией, тогда оказалась в центре внимания высшего военного командования МО СССР, руководства Демократической Республики Афганистан, международных наблюдателей, мусульманской оппозиции, иностранной разведки и военных организаций Запада. Стоял конкретный вопрос — справится ли советское военное командование со сложными задачами, и каким образом будет организована военная деятельность войск, введенных в Афганистан. Напряжение было велико. На первых командиров равнялись последующие.

Главная задача, возложенная на командующего, была ввести войска, разместить их, встать гарнизонами, определить задачи каждому воинскому соединению, затем наладить снабжение, коммуникации, взаимодействие с афганским руководством, афганской армией, афганскими властями на местах. Эту сложную задачу генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов выполнил полностью. Он умело подчинил своей воле и воле руководства огромный многонациональный армейский коллектив.

«Генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов возглавлял 40-ю армию в очень сложный период ее становления, когда офицеры еще только привыкали к тому, что действовать придется в реальной боевой обстановке. Ему необходимо было практически на голом месте создавать и заставить четко работать сложнейший механизм управления войсками,» — так вспоминал эти события Герой Советского Союза, последний командующий 40-й армии генерал-полковник Б. В. Громов в своей книге «Ограниченный контингент».

Единственная в военной истории Советского Союза отдельная армия включала в свой состав все рода войск. К февралю 1980 года состав ограниченного контингента советских войск составлял:

управление 40-й армии с частями обеспечения и обслуживания;

3 мотострелковые дивизии (5-я гвардейская, 108-я и 201-я);

2-я зенитно-ракетная бригада ТуркВО (выведена в феврале);

860-й отдельный мотострелковый полк, 45-й инженерно-саперный и 28-й реактивный артиллерийский полки;

103-я (т.н. Витебская) воздушно-десантная дивизия, 345-й отдельный парашютно-десантный полк и 56-я десантно-штурмовая бригада.

Подготовка воздушно-десантных подразделений наиболее полно соответствовала условиям ведения боевых действий в Афганистане. Во всех операциях по уничтожению больших складов боеприпасов, крупных банд оппозиции, которые постоянно угрожали гарнизонам советских и афганских правительственных войск, деблокированию дорог, использовавшихся для снабжения населения ДРА — во всех действиях принимали участие десантники.

«Афганские государственные и правительственные учреждения, ЦК НДПА и резиденцию Б. Кармаля, а они находились практически в одном месте, охраняли десантники. Несмотря на то, что внешнее кольцо охраны выставлялось афганцами, основная надежда в критической ситуации возлагалась, конечно же, на советских солдат... Во дворце Б.Кармаля все девять лет нашего

пребывания в Афганистане находился батальон парашютно-десантного полка, который не только нес службу по охране, но и жил там...»

К 1 марта 1980 г. были сформированы две отдельные мотострелковые бригады (66-я и 70-я гвардейская) в Джелалабаде и Кандагаре, из состава 201-й дивизии выделен в отдельный полк 191-й мотострелковый, переброшенный в Газни.

В дальнейшем в 40-й армии была организована агентурная войсковая разведка. Очень дорогостоящая организация. Единственная действующая в войсках Советского Союза. Именно благодаря этой разведке были снижены потери личного состава армии. Более оперативная информация сразу появилась у армейских командиров. Первым организатором этой разведки был генерал-лейтенант А. А. Корчагин, начальник разведки армии.

40-й армии были приданы, включены в ее состав, военно-воздушные силы. На тот период они были достаточно мощные и полностью укомплектованные. Четыре полка боевой авиации и три вертолетных полка. Это было нововведением в Вооруженных силах СССР. Тем самым подчеркивалась значимость и ответственность задач армии. Самолеты и вертолеты были различного назначения: транспортные, истребительно-бомбардировочные, разведки. Большинство — ударные. Опорные аэродромы: Баграм, Кабул, Шинданд, Кандагар. Каждой мотострелковой дивизии и 103-й воздушно-десантной, отдельной мотострелковой и десантно-штурмовой бригадам, отдельным батальонам специального назначения были приданы вертолетные эскадрильи и отряды. Летный состав выполнял поставленные задачи в сложных климатических, географических, боевых условиях. Армейская авиация осуществляла высадку десанта. Во время операций вертолетчики по нескольку раз поднимались в горы. Кроме высадки десанта офицеры ВВС 40-й армии доставляли в районы проведения операций боеприпасы, медикаменты, эвакуировали больных, раненых и убитых.

Обеспечением 40-й армии продовольствием, боеприпасами, медикаментами, горючим и другими необходимыми для деятельности материальными средствами занималась отдельная армейская бригада материального обеспечения, состоящая из нескольких автомобильных батальонов. Именно ее транспортные средства доставляли на основные базы в Афганистане материальные средства, а затем армейские полки своими силами перевозили себе все необходимое.

Топливом и горюче-смазочными материалами 40-я армия снабжалась через трубопроводы: от Термеза до Баграма и от Кушки до Шинданта. Для нормального функционирования трубопроводов существовала специальная трубопроводная бригада.

Обустройство советских войск происходило постепенно. Части и подразделения в Афганистане вначале размещались преимущественно в палатках. Налаживалось снабжение. Первая афганская зима создала проблемы во многих отношениях. Задача войск была чисто оборонительная. С января 1980 года под контролем Ограниченного контингента советских войск находились все крупные города Афганистана, там расположились советские гарнизоны, контролировались также

основные автодороги страны: Термез — перевал Саланг — Кабул, Джелалабад — Гардез, Кушка — Герат — Шиндант — Кандагар.

«Войскам 40-й армии пришлось восстанавливать, содержать и охранять важнейшие автомобильные коммуникации. Из-за отсутствия железнодорожных путей, автомобильные дороги в Афганистане являлись основными экономико-хозяйственными артериями страны. Для обеспечения регулярного подвоза войскам материально-технических средств, впервые после Великой Отечественной войны была развернута военно-автомобильная дорога от Термеза до Кабула, а на труднейшем ее участке — перевале Саланг — обеспечено круглогодичное движение», — вспоминает полковник Р. В. Булаткин, в то время начальник отдела МО СССР.

Также согласовывались совместные действия с советскими пограничниками, приступившими к охране границ со стороны Афганистана.

Оппозиционеры в приграничных районах с СССР повсеместно создавали боевые группы и исламские комитеты, которые разгоняли органы демократической власти, бесчинствовали в кишлаках, жестоко расправлялись со сторонниками кабульского режима.

Столкновения боевиков с погранрядами Пянджского, Московского, Хорогского погранотрядов были постоянными со второй половины 1979 года. После ввода советских войск в Афганистан, стала создаваться специальная группировка погранвойск Среднеазиатского пограничного округа, включавшая сводные боевые отряды (СБО) пограничников и маневренные группы, предназначенные для размещения гарнизонами непосредственно в северных районах ДРА.

Первые два СБО от Хорогского и Пянджского погранотрядов переправились через р. Пяндж ночью в начале января 1980 г. Операцией по вводу пограничных подразделений на афганскую территорию руководил начальник войск Среднеазиатского пограничного округа генерал-майор Н. Г. Карпов.

Оба сводных боевых отряда расположились гарнизонами: Хорогский (150 человек, 2 БТР) в провинции Бадахшан, Пянджский (204 чел., 6 БТР) — в порту Шерхан.

В феврале-марте 1980 г. была предпринята крупная операция по очистке от вооруженных мятежников приграничной афганской провинции в северной части Бадахшана. Подразделения Хорогского, Московского, Пянджского погранотрядов на 30-ти БТР и под прикрытием 2-х вертолетов Ми-8 взаимодействовали с высадившимся десантом провели чистку ряда районов и ликвидацию боевых групп А. Вахоба.

В течении 1980 г. в результате серии операций «Весна-80» и «Осень-80» в приграничных районах Северного Бадахшана и провинции Тахор пограничники освободили значительную территорию, что позволило афганским властям создать здесь органы власти, организовать и выставить

подразделения охраны. В мае 1980 г. по просьбе афганского правительства для прикрытия границы ДРА с Пакистаном и Китаем там были выставлены гарнизоны от Мургабского погранотряда Восточного пограничного округа. Советские пограничники надлено закрыли 500-километровый участок границы, обеспечивая перехват караванов с оружием и боеприпасами, боевиков и агентуры противника, следовавших из-за рубежа в Афганистан. В июле 1980 года по просьбе афганских властей была проведена операция «Баламургаб», в ходе которой пограничники очистили от боевиков приграничную полосу напротив участка Тахта-Базарского погранотряда. Всего за 1980-1981 гг. спецподразделения погранвойск на территории ДРА провели десятки плановых и частных операций, сотни боевых рейдов и засад, которые способствовали стабилизации обстановки и укреплению органов власти в северных районах Афганистана и, тем самым, обеспечили безопасность рубежей СССР.

Таким образом, к концу 1981 г. была создана группировка пограничных сил и система управления спецподразделениями, действующими на территории ДРА.

Для координации действий спецподразделений пограничных войск, соединений 40-й армии и афганских пограничников, в начале 1982 года введена должность первого заместителя начальника пограничных войск СССР. На эту должность был назначен генерал-лейтенант Н. П. Вертелко. Кстати, генералы Ю. В. Тухаринов и Н. П. Вертелко знали друг друга еще с 1967 года, во время обучения на одном курсе в академии Генерального штаба в Москве.

«Задачи полководца — побеждать столько же умом, сколько мечом».

Юлий Цезарь, император Рима

Глава 3.2. Вынужденный переход к военным действиям.

Оппозиция новому кабульскому режиму в Афганистане

Военная ситуация января-февраля 1980 года была напряженной. Внешне проявление сопротивления новому кабульскому режиму в это время было незначительное. Тревожная обстановка складывалась в северных провинциях республики. В горах Гиндукуша создавались опорные базы «непримиримых».

«После предательской измены афганского артиллерийского полка, находящегося юго-восточнее Кундуза, и перехода на сторону противника некоторых частей афганских горно-пехотной дивизий, отряды и банды моджахедов приобрели военную организацию, обученные части. В них работало немало иностранных инструкторов и советников. В боевых действиях восточнее Ханабада участвовали со стороны оппозиции бронетранспортеры и танки. Мобильными формированиями, хорошо приспособленными к условиям горной местности, были у них отряды конников, насчитывавшие 400-600 сабель. Местное население оказалось буквально затерроризированным,

запуганным ими. На виду жителей поселений моджахеды демонстративно расстреливали и истязали тех, кто хоть каким-либо образом подозревался в симпатиях к народной власти и, особенно, как они называли нас, к неверным. Насильно забирали молодежь в свои отряды, уводили в горы женщин».

Мусульманская оппозиция наращивала свои силы. К концу февраля на территории Афганистана действовало уже до 40 тыс. «душманских» подразделений («душманами» советские солдаты называли моджахедов).

Постепенно активность оппозиции начала нарастать. Начались нападения на советские грузовики, на советских солдат. Распространялись листовки с призывом к народу о сопротивлении советской армии и борьбе против неверных.

К середине февраля политические и религиозные акции протеста стали происходить во многих городах Афганистана. Напряженность возрастала в Кабуле. Вечером 21 февраля в Кабуле произошли массовые демонстрации. На улицы вышли тысячи людей, скандировавших лозунги антикармалистского и антисоветского содержания. Утром 22 февраля демонстрации вспыхнули снова. Число их участников было более 300 тыс. человек, много народу пришло из провинций. Массы заполнили все центральные улицы, доступ к административным зданиям был блокирован, советское посольство подверглось обстрелу, в результате чего погибли советские граждане.

Вооруженные отряды мятежников при поддержке некоторых кругов духовенства сумели привлечь на свою сторону часть обманутого, сбитого с толку населения: ими широко использовались также деклассированные элементы и уголовники. Отряды бандитов врывались в лавки, магазины, рестораны и жилые дома, уничтожали имущество, занимались грабежом. Они попытались захватить хлебокомбинат, закидывали камнями и поджигали автомашины, распространяли листовки, угрожали мирным жителям физической расправой. Был сделан поджог здания одного из столичных отелей, а когда прибыли пожарные, по ним открыли огонь из автоматов. В результате появились жертвы среди мирного населения.

Руководители оперативной группы министерства обороны СССР маршал С. Л. Соколов, маршал С. Ф. Ахромеев и генерал-полковник В. А. Меримский посетили министра обороны ДРА Рафи. Он был в растерянности. Вслед за этим был отдан приказ командующему 40-й армии Ю. В. Тухаринову перекрыть подъездные пути к Кабулу, блокировав каждый из них с помощью мотострелковой роты, усиленной танковым взводом. Так удалось пресечь появление новых демонстрантов в центре города. По демонстрантам стрельбу не открывали. В Кабуле было введено чрезвычайное положение.

По оценке советской стороны, это восстание продемонстрировало, что шоковое состояние у оппозиции прошло. Активизировалось открытое сопротивление. Резко возросла религиозная пропаганда. Правительство открыто клеймили как агента коммунизма.

И все же, заговор провалился. Арестовали группу руководителей мятежа, среди которых были американский гражданин Роберт Ли, агент ЦРУ и 16 пакистанских диверсантов. Большинство задержанных и арестованных — люди, тайно проникшие в город из других мест, многие из них прибыли в страну из Пакистана. У них было изъято большое количество оружия — в основном китайского и американского производства — взрывные устройства, бутылки с зажигательной смесью, значительные суммы в американской, английской, западно-германской и пакистанской валюте.

Лица, арестованные в отелях «Джамиль», «Метрополь», «Пак» и «Ништал», оказались агентами ЦРУ и пакистанских спецслужб. Они снабжались различным оружием, фиктивными документами, портативными приемопередающими устройствами, магнитофонными пленками с записями антиправительственных подстрекательских выступлений. В столице были обнаружены так же тайные склады оружия, которыми преступники не успели воспользоваться.

Февральские волнения 1980 года в Кабуле вызвали у Москвы первые сомнения в Б. Кармале, как в руководителе. Б. Кармаль слушал доклады советских военных советников и редко задавал вопросы, соглашался со всем, но не предпринимал практических мер для реализации принятых решений.

«Я помню, присутствуя на совещаниях, тяготился тем, что уж очень они затягивались. Я чувствовал, что у Б. Кармаля нет решительности, четкости,» — вспоминал командующий генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов.

Министром обороны СССР было принято решение 23 февраля 1980 года вывести зенитно-ракетную бригаду и некоторые воинские части из Афганистана.

Это звучало как политическое решение.

«В этот день, — рассказывал Ю. В. Тухаринов, — я находился в Кабуле, там проходили массовые акции протеста местного населения. Войска были в боевой готовности. Ближе к полудню получил известие, что на перевале Саланг, в туннеле, произошло крупное ЧП при движении зенитной бригады. Есть погибшие и раненые. Трагическим оказался этот день для советских войск в Афганистане. Была сформирована комиссия для расследования этого факта во главе с заместителем командующего 40-й армии. Произошедшее ЧП напоминало подготовленный диверсионный акт. Комиссия этого не доказала».

В феврале был произведен обстрел советских автоколонн на магистралях Термез — Кабул и Кушка — Кандагар. Предпринимались попытки штурма малых гарнизонов.

«События 20-23 февраля в Кабуле стали для нас полной неожиданностью и заставили сделать определенные выводы. Прежде всего они показали, что Ограниченный контингент находится

вовсе не в «дружественных отношениях», а скорее наоборот. Гибель наших солдат в январе и феврале вынудила командование 40-й армии вплотную заняться обеспечением безопасности подразделений, так как это должно быть на войне. В первую очередь это касалось тех, кто находился не в военных городках, а охранял основные дороги Афганистана. Вдоль этих трасс было направлено несколько рекогносцировочных групп, которые по всем правилам военной науки определяли наиболее удобные места для размещения наших застав. Специально для этого из Москвы прилетели ведущие офицеры и генералы Военной академии имени Куйбышева, военные инженеры очень высокой квалификации. Достаточно сказать, что некоторые полковники имели профессорские звания. Вместе с нами работали и офицеры частей, в зоне ответственности которых находились те или иные отрезки дороги. Одну из групп возглавил я. Мы прошли от Кабула до перевала Саланг, далее на север в сторону Советского Союза еще километров сто. Для восточного направления этот участок дороги являлся основным», — вспоминает генерал-полковник Б. В. Громов, бывший тогда начальником штаба 108-й дивизии.

«Начиная от окраины Кабула, мы изучали местность со всех точек зрения, так как на этом изгибе трассы колонны несколько раз уже подвергались интенсивным обстрелам. Нужно оборудовать заставу. Офицер связи возражает: рации работать не будут — выступающая скала перекрывает эфир. Артиллерист подсказывает, что место находится в ущелье, поэтому огонь придется вести вслепую. За неделю мы облазили все склоны и высоты на своем участке и с учетом мнений специалистов определили наиболее удобные места, на которых должны были стоять заставы или сборно-пулеметные сооружения.

Командующий армией генерал Ю. В. Тухаринов внимательно прочитал наш доклад и утвердил его. Через месяц создание системы охраны было закончено. Из камня были построены достаточно мощные сооружения. Небольшие казармы для солдат мы строили так, чтобы даже при прямом попадании мины никто не погиб, а сооружению был бы нанесен минимальный ущерб. Кое-где удавалось поставить свои небольшие баньки. Если не было возможности организовать полевую кухню, еду привозили.

Очень трудно было «зарываться» в скалы. Все-таки находили довольно оригинальные решения, позволяющие охранять участок, доверенный взводу или роте, вообще не выходя из заставы. Мы буквально вгрызались в горы, делали траншеи в полный рост. Пробегав по этим проходам и переходам из казармы, солдат оказывался на своей огневой позиции, ни разу не показавшись противнику. Основной артиллерией на «дороге жизни» от Термеза до Кабула были очень удобные 82-мм минометы типа «Поднос» — их можно переносить вручную. В тех местах, где «врезаться» в скалы было невозможно, огневые позиции для них обкладывали камнями и прятали таким образом, чтобы через верхнее отверстие можно было вести обстрел в любом направлении.

Во время нападения солдаты оказывались возле минометов, наблюдатели-корректировщики выдавали им точные координаты, тем более, что практически вся местность уже была пристреляна заранее, и минуты через две уже открывался огонь. На дальних подступах дорогу прикрывала ствольная артиллерия.

Война, естественно, позже внесла свои поправки. В течение следующего года мы поняли, что где-то допустили ошибки — всего предусмотреть нельзя. У душманов был свой, нестандартный подход — они, как правило, нападали там, где их меньше всего ждали. Со временем мы были вынуждены либо усиливать заставы несколькими бронетранспортерами и боевыми машинами пехоты, либо вообще убирать их с того места, где они не могли обеспечить защиту своих людей. Тем не менее основная система охраны дороги, несмотря на некоторые изменения, надежно действовала все девять лет», — вспоминает генерал-полковник Б. В. Громов в книге «Ограниченный контингент».

В соответствии с решением политического руководства СССР, советские войска в ответ на многочисленные обстрелы своих гарнизонов и транспортных колонн приступили к боевым операциям по локализации и разгрому вооруженных формирований противника. Для ведения боевых действий предусматривались войсковые формирования не менее усиленного батальона. Атаки следовало начинать с мощных огневых налетов на базы отрядов сопротивления с помощью самолетов и вертолетов. Жилые районы запрещалось обстреливать. При проведении боевых действий в штабах должны находиться, участвуя в планировании, наряду с советскими офицерами афганские, а также представители центрального аппарата советников.

Вспоминает генерал-лейтенант В. П. Черемных, в то время советник начальника генерального штаба афганских вооруженных сил:

«Когда в феврале 1980 года я прибыл в Кабул и окупился в изучение обстановки, причем в довольно-таки сложных условиях, то понял: мы столкнулись с острыми противоречиями. Наши батальоны и полки втягивались в боевые действия против своей воли...»

Советские и афганские войска начинали воевать вместе, причем советским частям приходилось чем дальше, тем больше решать все более трудные задачи. Афганские войска были в значительной степени деморализованы и не подготовлены к боевым действиям. Гражданская война постепенно распространялась на всю страну.

Теперь 40-я армия получила новые задачи, принципиально отличавшиеся от старых. От советской армии требовали активных боевых действий. Боевые действия проводились совместно с частями вооруженных сил ДРА.

С марта совместные боевые действия крупных сил впервые были начаты в пограничной с Пакистаном провинции Парван, а затем постепенно распространились и на другие регионы страны, принимая все более широкий масштаб.

К тому времени участились диверсии и террористические акты мятежников, налеты на гарнизоны и посты правительственных войск, обстрелы аэродромов базирования авиации, нападения на автоколонны на коммуникациях. Вооруженная борьба мятежников принимала партизанские

формы. Их отряды действовали в любое время суток, появлялись в самых неожиданных местах и также неожиданно исчезали.

Этому во многом способствовали природные условия и ландшафт Афганистана. Труднодоступные горные районы с высотами до 5000 м и глубокими узкими ущельями, обширные зеленые зоны виноградников и садов с сетью орошительных каналов и арыков, характерная теснота кишлаков с многочисленными дувалами, ограниченное количество дорог — все это, с одной стороны, помогало отрядам мятежников вести партизанские действия и в случае угрозы быстро укрываться, с другой — крайне усложняло применение крупных сил и использование преимуществ боевой техники при ведении боевых действий нашими войсками. Наряду с мелкими отрядами, разбросанными по всей стране, в ряде регионов действовали крупные группировки мятежников, которые, как правило, опирались на хорошо организованные укрепленные базовые центры, созданные в труднодоступных горных районах, как это было в Пандшерской долине, западнее Газни, восточнее Лагман, в ущелье Тора-Бора (на юге Нангархар), южнее Мазари-Шариф и в ряде других мест.

Исламская оппозиция марксистской системе в Афганистане стала оформляться с января 1980 года. В объединенный исламский фронт вошли несколько крупных формирований с различной политической направленностью, от мусульманско-ваххабистского толка до национально-республиканского направления.

Направленность деятельности непримиримой оппозиции можно определить двумя основными задачами, стоящими перед моджахедами. Первая из них заключалась в создании обстановки политической нестабильности в Афганистане. Вторая — в уничтожении марксистского революционного режима.

Для решения этих задач непримиримая оппозиция прилагала большие усилия, направленные на сохранение и увеличение сил для ведения затяжной партизанской войны.

Так, в приграничных с Пакистаном районах страны активно действовали вооруженные формирования «Национального исламского фронта Афганистана», лидером которого являлся С. Гилани. Его можно охарактеризовать как религиозно-политического деятеля умеренных взглядов. Симпатизирующий монархии, он поддерживал идею установления «мусульманской» демократии нового типа, создания правительства и республиканского строя на принципах ислама.

В Афганистане среди мусульманской оппозиции новому кабульскому режиму, с января 1980 года, появляется фигура из арабских стран — это Усама бен Ладен. Он находился в пакистанском городе Лахор, где установил первые контакты с лидерами оппозиционного правительству Кабула исламских группировок. Усама бен Ладен начал создавать фонд финансовой поддержки афганского сопротивления, в дальнейшем принимал активное участие в вооруженной борьбе афганских моджахедов. Затем обосновался в Пешаваре (Пакистан). Приобрел известность как активный идеолог и организатор «арабского джихада» — вооруженной борьбы арабов, приверженцев крайних направлений ислама против советского присутствия в Афганистане.

Организовал механизм отправки в Афганистан молодых добровольцев из мусульманских стран, общая численность которых к середине восьмидесятых годов достигла более 20 тыс. человек. Проводил обучение новобранцев в Пакистане. С этой целью оборудовал на границе с Афганистаном несколько полевых лагерей. В дальнейшем построил военно-учебные базы на территории самого Афганистана вблизи городов Джелалабад, Хост, Асадабад. В Пешаваре оборудовал постоянно действующий штаб, при котором функционировали отделы боевой подготовки, военной типографии, идеологического воспитания, материально-технического снабжения, финансового обеспечения.

По мере укрепления своего влияния в Афганистане, стал играть роль основного канала поступления финансовой и материальной помощи афганским моджахедам со стороны Саудовской Аравии и других исламских государств. Тесно взаимодействовал в этих вопросах с представителями разведывательных служб Саудовской Аравии и Пакистана. Затем выступил посредником в урегулировании разногласий между отдельными лидерами моджахедов. Наиболее тесные контакты поддерживал с Г. Хекматияром и Б. Раббани. За годы афганской войны 1979-1989 гг. приобрел связи в широких кругах радикальных исламистов.

В Афганистане к 1980 году оформляется организация «Национальный фронт спасения Афганистана» под руководством С. Моджаддеди. Им было опубликовано воззвание к мусульманам с призывом их к «джихаду» — «священной войне с безбожным коммунистическим режимом». В кругах афганских моджахедов С. Моджаддеди завоевал репутацию сторонника «западного варианта» решения афганской проблемы. В подготовленной им программе своей организации указывалось, что целью фронта является объединение всех противников Кабульского режима и создание государства, основанного на учении ислама и собственных демократических принципах.

Одним из самых непримиримых лидеров оппозиции был Г. Хекматияр, лидер Исламской партии Афганистана. У него были достаточно крупные вооруженные отряды, насчитывающие до 40 тыс. человек. Дислоцированы они были в центральной части Афганистана. Отряды ИПА, которые получали основную часть финансовой помощи с Запада, проявляли наибольшую жестокость по отношению к активистам народной власти и поддерживавшему их населению.

В районе Кандагара действовала оппозиционная кабульскому режиму группировка «Движение исламской революции Афганистана». Руководителем этого формирования являлся Мухаммед Наби. По своим политическим убеждениям Наби являлся монархистом. Он был последователем бывшего короля Афганистана Захир Шаха. В связи с этим М. Наби имел разногласия с Г. Хекматияром, критиковал последнего за связи с маоистами и националистами.

На северо-востоке Афганистана, с 1979 года, в основном на территории северного Паджшера действовала крупная группировка оппозиции под руководством Ахмад Шаха Масуда, эта группировка была частью организации «исламского общества Афганистана», возглавляемой Б. Раббани. Среди дехкан А. Ш. Масуд был известен как «легендарный борец за ислам», обладающий сверхъестественной силой. Умело используя рельеф местности, А. Ш. Масуд создал

крупную вооруженную группировку в районе ущелья Панджшер. Значительная помощь ему оказывалась со стороны США, Китая, Пакистана.

Вооруженные отряды «Исламского общества Афганистана» Бурхануддина Раббани находились в северных, восточных и западных провинциях. Среди пуштунских племен группировка Б. Раббани влиянием не пользовалась. Вооруженные формирования ИОА насчитывали более тридцати тысяч человек. Б. Раббани был образован, являлся главным редактором журнала «Шариат», автором нескольких книг. Это позволило ему занять одно из ведущих мест в руководстве афганской оппозиции. Вооруженные формирования Б. Раббани отличались от других группировок сравнительно умеренным отношением к мирным жителям.

По оценке автора американского исследования о тайных войнах ЦРУ в 1981-1987 гг. Б. Вудворда, уже к 1981 г. помощь мусульманских государств афганской оппозиции под предлогом «защиты» ислама превышала 100 млн. долларов в год. По словам бывшего заместителя директора ЦРУ США, «отца тайной операции в Афганистане», Макмагона, в дальнейшем вклад Саудовской Аравии в афганскую войну существенно превышал затраты ЦРУ на эти цели. В докладе «Мусульманский фундаментализм и политика США» представителя «Херимидж фаундейшн» («Фонд наследия») Д. Пайнса предлагались некоторые пути использования «исламского фактора» в целях подрыва позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке. В частности, в отношении исламских фундаменталистов, действовавших против «просоветских мусульманских правительств», к которым были отнесены Ливия, Сирия и Афганистан, было рекомендовано проявлять умеренный подход к оказанию помощи исламским фундаменталистским группировкам при наличии серьезных антиправительственных сил иного характера. Другими словами, американцы хорошо знали, что представляли собой афганские моджахеды из фундаменталистских группировок.

Столкнувшись с вступлением советских войск в Афганистан, администрация Картера вступила в третью фазу своей тайной операции в этой стране, развязав наиболее серьезную и крупномасштабную акцию поддержки повстанческих сил. Военно-политический смысл слов «третья фаза» недвусмысленно раскрыт в разделе «Развитие и организация повстанческого движения» устава РМ 100-20 сухопутных войск США «Конфликты низкой интенсивности», где под третьей фазой повстанческого движения понимается широкомасштабная маневренная война. А наличие третьей фазы говорит о том, что, согласно упомянутому уставу, афганское повстанческое движение уже прошло в своем развитии «скрытую» первую фазу и вторую фазу «партизанских действий» мелкими подразделениями. В свою очередь столь четкое деление этапов развития афганской оппозиции лишний раз свидетельствует об американском сценарии ее «развития и организации».

Средний Восток стал одним из первых регионов мира, где США стали применять свою концепцию «конфликтов низкой интенсивности» (КНИ) — это «ограниченная политико-военная борьба для достижения политических, социальных, экономических или психологических целей. Она часто носит длительный характер и включает в себя все — от дипломатического, экономического и психологическо-социального давления. КНИ обычно ограничены географическим районом и часто характеризуются ограничениями в оружии, тактике и уровне насилия».

«Москва впервые со времен второй мировой войны направила свои вооруженные силы за пределы социалистического влияния, тем более в сферу интересов мусульманского мира...»

Глава 3.3. Первая афганская весна 40-й армии

Первая афганская весна 40-й армии началась с боевых действий советских войск против оппозиции новому кабульскому режиму. «Не вдаваясь в детали, следует отметить, что в Афганистане, шла, по сути дела, гражданская война — война необычная, без фронта и тыла. Боевые действия носили упорный и широкомасштабный характер. Вооруженные формирования оппозиции, безусловно, представляли собой реальную военную силу. Они были хорошо вооружены, имели довольно неплохой уровень военной подготовки.

Наряду с традиционными способами партизанской борьбы: обстрелы, налеты, засады, диверсии и теракты противник в ряде случаев применял и хорошо организованную в труднодоступных районах оборону, подготовленную на уровне регулярной армии. Наши войска встретились с серьезными особенностями действий в условиях высокогорных районов, зеленых зон и пустынной местности, против незнакомого противника, и на первых порах не умели правильно учитывать их.

Первые бои наших войск в Афганистане обнажили много негативных моментов и серьезных недостатков в подготовке командиров и штабов в войсках.

Общеизвестно, что для успешного ведения боевых действий необходимо прежде всего умение применять теоретические положения военного искусства, требующего от командира творческого применения знаний в конкретных условиях обстановки с учетом ее особенностей, а также организаторских и волевых качеств, твердых практических навыков по организации боевых действий войск и управлению ими в ходе боя.

Проводимые боевые действия в Афганистане сразу же показали определенный разрыв теории с практикой, несоответствие между словами о необходимости учить войска тому, что нужно на войне и реальным положением дел.

На начальном этапе боевых действий с оппозиционными формированиями личный состав 40-й армии столкнулся со множеством проблемных ситуаций, которые не были еще проработаны до ввода войск в эту мусульманскую горную страну. Об этом в своих воспоминаниях «Кабул — Москва: Война по заказу» пишет генерал-полковник В. А. Меримский.» Быстрое распространение получила легенда «об английском» карабине и его высокой убойной силе. У мятежников кроме современного оружия имелись и старые его образцы, в частности, английские карабины времен первой мировой войны. Кто-то пустил слух, что дальность его стрельбы достигает 1000 м. У нашего же автомата она составляла около 400 м, а у ручного пулемета примерно 600 м. В результате возникла «карабинобоязнь».

Пришлось приложить немало усилий, чтобы от нее избавиться. Провели несколько специальных занятий со всеми мотострелковыми ротами, и легенда «об английском карабине» развеялась. К тому же не была сразу раскрыта хитрость моджахедов. Заключалась она в том, что после обнаружения нашей колонны, отряд мятежников разбивался на две группы. Одна из них, основная, располагалась в 1000-1200 м от предполагаемого рубежа встречи, а другая, состоящая из нескольких метких стрелков и тщательно замаскированная, — в 500-600 м в стороне от маршрута. При подходе нашего подразделения к рубежу, намеченному мятежниками, основная группа поднималась, открывала стрельбу и имитировала отход. Обнаружив это, мы переходили к преследованию, ведя непрерывный огонь из всех видов стрелкового оружия. За этим грохотом, естественно, никто не слышал одиночных выстрелов второй труппы, пулями которой и поражались наши солдаты. Затем стрелки скрытно отходили. Так и возникла эта легенда о мощной убойной силе карабина.

Немало усилий потребовалось командованию армии и для того, чтобы ликвидировать так называемые боевые группы. Дело в том, что все дивизии и полки наряду с боевыми имели и охранные задачи. Последние осуществлялись решением командиров полков. А так как контроль старшей инстанции отсутствовал, все чаще создавалась ситуация, когда в большинстве частей не оказывалось полнокровных батальонов и даже рот. Вместо того, чтобы возложить охрану на подразделения одного мотострелкового батальона, к выполнению этой задачи привлекались взводы и роты из различных. Когда же нужно было назначить подразделения для боевых действий, то образовывались сводные батальоны и роты, называвшиеся боевыми группами. Это преподносилось как развитие тактики общевойскового боя и находило поддержку некоторых довольно крупных начальников. Однако боеспособность таких формирований была ниже, чем у штатных. К тому же личный состав не был уверен в том, что воины из вновь включенных подразделений не подведут в бою. Опыт боевых действий подобных отрядов не оправдал себя.

На территории Афганистана мятежники развернули настоящую «минную войну», особенно на дорогах. Ими использовались мины итальянского, американского, английского и бельгийского производства, а также самодельные мины, фугасы и другие устройства. Устанавливались они на путях движения заблаговременно или в момент приближения войск. После их подрыва наша колонна обычно обстреливалась из всех видов оружия.

К «минной войне» 40-я армия практически не была готова. Имевшиеся на вооружении общевойсковых и инженерно-саперных частей средства разминирования по техническим характеристикам не отвечали боевым требованиям. В основном при поиске мин использовался по-прежнему щуп. Только с появлением машин разграждения наметились перемены к лучшему. Хотя, к сожалению, указанная проблема так и не была до конца решена.

Изнурительные марши, тяжелые бои, которые почти всегда заканчивались преследованием мятежников, труднопроходимая местность, враждебно настроенное к нам население — все это предъявляло к бойцам и командирам высокие требования. И они их с честью выполняли.

История войн не знает ни одной победы, одержанной войсками без тщательной и всесторонней разведки противника. Условия в Афганистане были для нас весьма неблагоприятными. Факт появления даже небольшой группы советских солдат, тем более европейцев, сразу же фиксировался местным населением и становился достоянием находившегося вблизи (а порой и в самом кишлаке) отряда мятежников. Личный состав разведывательных подразделений не знал многочисленных местных языков. Переводчиков же на дивизию было один-два. Поэтому даже элементарный опрос населения, как правило, исключался.

Действия советских разведчиков, облаченных в национальную одежду, раскрывали их национальную принадлежность ввиду особенностей поведения, обращения с населением, незнания обычаев и т. п. Сама же афганская армия фактически саботировала ведение разведки, хотя имела для этого большие возможности.

Из многих способов войсковой разведки наиболее широко применялись наблюдение, допрос пленных и, пожалуй, засады. Но воспользоваться ими было возможно только в ходе боя, а добыть сведения о местонахождении отрядов мятежников, их составе, вооружении, намерениях, являлось делом крайне трудным. Таким образом, наиболее действенными и эффективными в тех условиях являлись агентурная и воздушная разведки, благодаря которым армия и получала данные о противнике.

Требовалось значительно расширить сеть агентуры. Однако подготовленных кадров на месте не было, а имевшиеся далеко не в полной мере соответствовали предъявляемым требованиям. Подбирались они в основном по рекомендациям местных органов власти, не располагавших порой достаточными сведениями о том или ином человеке.

Большинство агентов весьма смутно представляли характер предстоящей работы, да и техническое оснащение их равнялось практически нулю. Добытые сведения доставлялись резиденту пешком, либо на попутном транспорте, а уже затем отправлялись в штаб армии. На это затрачивалось 5-7 суток и, естественно, сведения часто устаревали.

<<

1

2

3

4

>>

Попадались среди агентуры и двойники, которые передавали дезинформацию, чтобы скомпрометировать советскую армию в глазах населения. Например, сообщались данные о местонахождении складов оружия, боеприпасов, штаба мятежников. По объекту наносился авиаудар. Но уничтоженными оказывались школа или мечеть, которые внешне не отличались от обычных зданий. Подчеркну, однако, что когда приходили сведения о расположении отряда в мечети, то никогда ее не бомбили, а высаживали воздушный десант или высылали подразделения на бронетранспортерах. Затем окружали культовое сооружение и через представителя духовенства призывали мятежников сдаться. Потом их передавали органам царандоя или государственной безопасности...

Встречались среди агентов и просто жулики, которые поставляли выдуманные сведения лишь для получения вознаграждения. Уличить их в обмане было весьма сложно. Ведь когда этим мошенникам предъявлялись претензии, они заявляли примерно одно и то же: «Когда я там был (5-7 дней тому назад), отряд находился в кишлаке (пещере и. т. п.), а где они сейчас, я не знаю». Иногда дело доходило до курьезов. Для того чтобы отомстить обидчику-соседу, агент указывал на его дом, как на место хранения оружия или боеприпасов. Стремясь получить достоверные данные, применялись перекрестные проверки. На один и тот же объект направлялись как минимум два агента из различных разведывательных центров. Такая проверка давала положительные результаты.

Наиболее точными были сведения о местонахождении крупных складов вооружения, боеприпасов, продовольствия, а также о крупных группировках мятежников в определенных районах. Именно по их захвату и разгрому планировались и проводились боевые действия.

Наконец, по договоренности с Комитетом государственной безопасности СССР, в Афганистан направили специальные отряды, целью которых являлось обеспечение надежными разведывательными командование 40-й армии. Они имели кодовое название «Каскад» и укомплектовывались высококлассными специалистами. Но, к сожалению, большинство личного состава отрядов не владело языками пушту и дари, что затрудняло общение с местным населением. Но даже в сложных условиях и в сравнительно короткий срок от «Каскада» стали поступать надежные разведывательные данные.

Попытки же самостоятельных боевых действий группами «Каскада» по ликвидации отрядов мятежников успеха не имели, поскольку они для этого не предназначались. Позже их руководство от таких действий отказалось.

Разумеется, эффективной была авиаразведка. Районы, требовавшие особого внимания, закреплялись тогда за каждым авиаполком.

С целью более оперативного использования разведывательных данных, были установлены зоны ответственности каждой дивизии, бригады и отдельного полка. Командиров обязывали сразу же после получения сведений от разведки принимать решения, не ожидая команды сверху. Кроме того, им предоставлялось право вызывать с близлежащего аэродрома дежурную пару вертолетов. И, надо сказать, такой порядок себя полностью оправдал.

Усилиями маршала С. Л. Соколова, маршала С. Ф. Ахромеева и командующего войсками Туркестанского военного округа генерала армии Ю. М. Максимова, Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск подготовку молодого пополнения и офицеров организовали на территории Советского Союза: были развернуты два учебных полка, задействована учебная дивизия и вновь созданы два горных учебных центра. Занятия проводили офицеры и сержанты, прошедшие школу Афганистана. После шестимесячного обучения пополнение направлялось в войска.

Между тем состав 40-й армии воевали, естественно, кто-то воевал лучше, кто-то хуже, а кто-то отличался и заслуживал государственных наград. И вот тогда-то, особенно вначале войны, явно проявился бюрократизм нашего Главного управления кадров (ГУК).

Представления командиров, направленные в ГУК, залеживались по несколько месяцев в ожидании ближайшего государственного праздника. Многие награды незаслуженно снижались на одну, а то и на две ступени, а некоторым военнослужащим в них вообще отказывали, мотивируя это тем, что они уже награждались тремя-четырьмя годами раньше, а срок награждения был установлен для мирного времени не чаще одного раза в пять-шесть лет. Естественно, аналогичная мотивировка отказа была и при предъявлении военнослужащего к повторному награждению. Давал о себе знать бюрократизм и при досрочном присвоении воинских званий.

Обстановка в афганской армии была сложной. Рассредоточенная по мелким гарнизонам для охраны органов местной власти, она испытывала сильное влияние пропаганды мятежников, теряла боеспособность. Подразделения, а порой и целые части сдавались или добровольно переходили на сторону оппозиции.

Тем не менее, советские специалисты и советники старались добиться от нового министра обороны ДРА генерала А. Кадыра согласия на привлечение подразделений афганской армии к вооруженной борьбе с мятежниками. На то были веские причины.

Значительная часть территории ДРА находилась под контролем мятежников. Боевые действия, которые вели наши части, имели целью разгром или уничтожение живой силы противника, его баз, складов и т. п. Захват и удержание территории в таких операциях не предусматривался. Слишком ограниченным был состав наших сил. Для расширения и укрепления государственной власти проводились специальные операции совместными усилиями советских и афганских войск, а также государственных органов.

Осуществлялись операции в три этапа. Прежде всего шла подготовка к внедрению и закреплению в кишлаке, волости, уезде ядра государственной власти, которое затем расширяло сферу своего влияния при содействии войск, блокировавших намеченный район.

Перед населением выступали представители оргядра с разъяснением обстановки и цели его прибытия. При необходимости проводилась фильтрация местных жителей. Формировались отряды защиты революции и самообороны, велся учет населения, а затем ему оказывалась медицинская и материальная помощь. Закреплению народной власти во многом содействовала агитационно-пропагандистская работа. Устанавливались прямые контакты оргядра с населением и определялся порядок поддержки его после ухода войск действиями дежурных подразделений с ближайших пунктов дислокации войск.

Предполагалось, что организационное ядро должно в основном состоять из жителей данного уезда, волости или кишлака. Кабульские же власти считали, что оно должно комплектоваться центром из преданных людей независимо от их местожительства.

Вот и получалось, что прибывали такие правители в уезд, где их никто не знал, да и они никого не знали. Конечно, веры им не было. К тому же случалось, что вновь назначенный старейшина оказывался очень молодым. А это противоречило вековым традициям народа. На указанном посту обычно находились наиболее уважаемые и достаточно пожилые люди. Руководство страны, как я уже отмечал, не очень надеялось на стойкость своей армии и просило для закрепления на местах органов власти оставлять подразделения советских войск. Мы категорически возражали против этого, считая такую постановку вопроса политической ошибкой и убеждали соответствующих начальников укомплектовывать оргядро местными жителями, которые никуда не убегут и охраны не потребуют.

В последующем афганское руководство убедилось в целесообразности доводов военспецов и следовало им. Но время было упущено.

Медленный ход стабилизации обстановки в Афганистане побуждал находившийся в республике советский аппарат проявлять большую активность. Но вместо настойчивого объяснения как поступить и что делать, афганцев подменяли и делали за них необходимую работу. Постепенно это привело к тому, что решение всех проблем было переложено на наших советников. Не имея соответствующей подготовки для такой работы, не зная глубоко страны, ее народа, а зачастую и не разобравшись с сущности происходящих процессов, последние навязывали афганцам свое понимание ситуации, наши методы и способы решения задач, которые зачастую для окружающих были непонятны.

Наши партийные советники не смогли остановить массовый, по спискам, прием в члены НДПА. В результате партия превратилась в аморфное объединение с острыми фракционными противоречиями, не способное играть роль авангардной политической организации. Путем анализа боевых действий советских войск уже в первые годы их пребывания в ДРА, было сделано заключение, что в Афганистане возникшие проблемы не могут быть решены военным путем.

Боевые действия между тем все расширялись. Из СССР были присланы милицейские формирования, но через некоторое время их вернули обратно. С силами сопротивления в Афганистане могла бороться только 40-я армия.

В апреле и мае группы сопротивления впервые изменили свои методы действий. Они перешли к тактике засад и неожиданных нападений. В результате можно было отметить перемещения боев в долины, на узкие дороги и в застроенные районы. Отряды сопротивления действовали в окрестностях Кабула, были случаи обстрела штаба 40-й армии.

Вспоминает полковник А. Н. Кедрин:

«В конце февраля, когда я находился при штабе 40-й армии был убит наш солдат — часовой на посту, снайперским выстрелом со склона горы. Командующий Ю. В. Тухаринов, узнав об этом, тут же дал распоряжение поднять в воздух звено вертолетов, оснащенных реактивными установками и хорошенько «прочесать» район, из которого велся обстрел штаба армии. Конечно, такие ответные действия были не частыми, но это говорило о решительности командующего». «В боевой работе в Афганистане, я знал Юрия Владимировича как выдержанного, спокойного, расчетливого командующего, он не терялся сложных ситуациях, не проявлял суетливости», — позже характеризовал генерала Ю. В. Тухаринова бывший командир 108-й дивизии генерал-полковник В. И. Миронов.

В марте 1980 года 40-я армия предприняла первое крупное наступление против сил сопротивления на востоке страны, целью которого было воспрепятствовать дальнейшему проникновению противника из Пакистана и очистить провинцию Бадахшан на северо-востоке. Эта операция вошла в историю как «Кунарское наступление». Советские войска впервые получили директиву о подготовке к широкомасштабным боевым действиям. За двухдневной артиллерийской подготовкой при массированной авиационной поддержке последовал удар механизированных частей. Советские войска поддерживали афганские контингенты и не сталкивались с сильным сопротивлением, хотя и ликвидировали несколько вражеских формирований.

Оппозиционные группировки уклонялись от боя, практикуя молниеносное нападение и засады. Смысл операции заключался в снятии вражеской блокады дороги вдоль пакистано-афганской границы. Командование 40-й армии уже располагало агентами среди афганцев, но это была неширокая осведомительная сеть.

«Большую помощь оказывала воздушная разведка. Тем не менее, когда началась операция, подготовка войск оказывалась непригодной для боевых действий в Афганистане, так как ее планирование основывалось на европейских параметрах. Тактика противника была неизвестна, со стороны советских войск отсутствовало умение реагировать соответствующим образом, что привело к значительным потерям в составе контингента. Наступление стало поводом к переосмыслению тактики и использования войск».

«Один из выводов был таким, что возможности 40-й армии в боевых действиях против моджахедов были значительными. Была возможность погасить сопротивление военными действиями, но с применением военных средств более сильного характера. Этому препятствовали международные ограничения. Наши действия в Афганистане и так привлекли внимание общественности всего мира. Мы ограничивались применением средств тактического назначения. Такие боевые действия были связаны с потерями личного состава в армии». В организации боевых действий в условиях Афганистана, где развернулась нетрадиционная, я бы сказал, партизанская война, со стороны 40-й армии нужна была выработка определенной новой тактики. Совместно с представителями Главного военного советника, генеральным штабом афганской армии за ее основу были приняты, так называемые, рейдовые действия. Это опять же исходило из того, что своими войсками мы не могли охватить все мятежные районы республики. Планировался рейд с целью разгрома определенной группировки противника, освобождение от банд моджахедов населенных пунктов, а после выполнения этой задачи — возвращение войск в места своей постоянной дислокации. Не скажу, что такая тактика была плодотворна. Да, мы решали рейдовыми действиями военную задачу. Но не могли обеспечить прочную стабильность положения в том или ином районе своими войсками — после нашего ухода моджахеды, собравшись с новыми силами, обычно с боями захватывали те же населенные пункты и устраивали еще более жестокие расправы.

Наши солдаты и офицеры проходили подготовку перед отправкой в Афганистан в специальных учебных центрах. В то же время, надо учитывать, что моджахеды лучше ориентировались на местности и, благодаря этому, были менее уязвимы.

В специфике боевой подготовки Туркестанского и Среднеазиатского военных округов, где происходило в основном формирование первых частей, вошедших в Афганистан, традиционно большое место занимало обучение личного состава действиям в горно-пустынной местности. Подразделения и части, прибывающие из других военных округов, также проходили обязательную подготовку в учебных центрах Туркестанского военного округа. С прицелом на Афганистан стали работать военные училища — Ташкентское, Алма-Атинское общевойсковые, Чирчикское танковое, Самаркандское автомобильное.

На северо-востоке страны планировалось ввести 860-й отдельный мотострелковый полк через Хорог в Файзабад. При получении указаний, теперь уже с конкретными сроками, были уточнены расчеты марша, поставлены задачи соединениям, частям и подразделениям, разъяснены цели ввода всему личному составу, организовано управление войсками при пересечении границы. Особая забота проявлялась о молодых солдатах.

В войсках армии с первых дней утвердился принцип: организацию и ведение боевых действий возглавляет командир, стоящий на ступень выше командира, привлекаемого для выполнения задачи подразделения.

За взвод отвечал командир роты, за роту — комбат, и так далее. Это тоже была забота о людях.

«В рейдовых действиях в провинциях Кундуз, на севере республики, — вспоминал генерал Тухаринов, — применялся тактический воздушный десант. Обстановка там складывалась тогда так: по маршруту колонны, шедшей на помощь афганским воинам, находился мост. У нас были предположения, что к моменту подхода техники он может оказаться разрушенным. С целью охраны его было решено высадить на вертолетах роту под командованием старшего лейтенанта С. П. Козлова. Командир организовал оборону, распределил силы. Но на пути колонны основных сил, еще до моста, появились каменные завалы, с высот ударили моджахеды. Примерно в это же время, отряд конников взял в кольцо роту Козлова. Схватка была жестокой. Моджахеды стремились захватить мост. В роте появились погибшие и раненые. Тут же, отражая натиск, офицер грамотно маневрировал силами, приказывал окопаться, укрыться за камнями. Около двух часов смельчаки во главе с командиром держали мост. Подошло подкрепление. Старший лейтенант Козлов был представлен мною к званию Героя Советского Союза».

«Личный состав подразделений моджахедов проходил обучение в специальных учебных центрах под руководством иностранных инструкторов в Пакистане и Иране, имел современную технику и оружие, — вспоминал полковник Г. А. Кочуров. — Регулярная афганская армия правительства ДРА не была в состоянии самостоятельно справиться с военными задачами, поэтому это привело к некоторому иждивенчеству афганской стороны, стремлению спрятаться за спиной советских войск».

Командующий генерал Тухаринов обладал личным мужеством, хладнокровием. «Во время проведения боевых операций умело учил командиров ведению боевых действий, наблюдал за их поведением в бою», — рассказывал генерал-майор А. А. Корчагин, в то время первый начальник разведки 40-й армии и одновременно начальник разведуправления Туркестанского военного округа.

Вспоминает генерал-полковник Б. В. Громов:

«На свои первые «боевые» в марте я ушел именно по приказу генерала Ю. В. Тухаринова. Он вызвал меня к себе в штаб и сам показал на карте этот район. Для проведения операции мне было выделено два мотострелковых батальона и соответствующее прикрытие — артиллерия, авиация. В то время стал очень распространенным термин «рейдовые действия вдоль дорог». Эти боевые действия я проводил в должности начальника штаба дивизии. В них участвовал и Руслан Аушев...

Много хлопот нам доставляли бандформирования в Майданшахре — это, примерно, в семи километрах к западу от Кабула. Оттуда постоянно велся обстрел штаба 40-й армии и всей юго-западной окраины города. Тухаринов же, как командующий, одновременно руководил сразу несколькими операциями и очень жестко контролировал действия каждого командира. Порой он вникал в такие детали, которые командующему были не нужны. Скажем, только вошли в Майданшахр, и в самый разгар организаторской работы: «Вас к аппарату. Командующий». Обычными докладами он никогда не был удовлетворен:

— Ну-ка давай по карте: где огневые позиций артиллерии? Где будет первая рота, вторая?

Приходилось давать все координаты. Сначала мы немного возмущались такой опекой, но позже, когда офицеры уже привыкли, стали заранее готовить для него подробные доклады. Действуя таким образом, генерал Тухаринов поступал совершенно правильно: в противном случае наши потери с самого начала увеличились бы многократно».

«В мае-июне 1980 года, когда активность войск ограниченного контингента усилилась, приобретенный опыт не замедлил сказаться на результатах боевых действий. В их организации и планировании значительно возросла роль управлений, отделов и служб армии. В ходе операций стали активнее применяться авиация, разведка, улучшилось обеспечение связью. Это не давало противнику возможности маневрировать, затрудняло для него определение районов и сроков зачисток и прочесываний местности советскими войсками. В мае и первой половине июня были нанесены ощутимые удары по основным группировкам моджахедов в провинциях Кунар, Бадахшан, Газни, Фарах, Гильменд. Создались благоприятные условия для установления на прежде контролируемой ими территории прочных позиций органов государственной власти.

Об эффективности действий войск в ходе операций красноречиво говорят цифры. Так, под Фарахом и при зачистке горного массива Лурках моджахеды потеряли до 800 человек. Там же было захвачено много боеприпасов, продовольствия и ГСМ. Здесь впервые была применена реактивная артиллерия.» В начале мая с помощью органов госбезопасности Афганистана военной разведкой наших частей и соединений был раскрыт заговор хорошо законспирированных террористических групп и пропагандистских центров в Герате. За десять суток, пока в городе действовало военное положение, было арестовано 480 наиболее активных их членов.

Затраты сил на эти операции были невероятно высоки. На короткое время удавалось изгнать оппозиционеров и установить контроль над регионами или населенным пунктом, но когда советские войска уходили, то через несколько недель оппозиционные силы возвращались туда снова. Уже в ходе первых широкомасштабных столкновений командующему 40-й армии стало ясно, что структуры и оснащения «ограниченного контингента» не соответствовали тактике, применявшейся в высшей степени подвижными, небольшими группами противника. Проявились недостатки в психологической и общей подготовке войск.

В непрекращающемся противоборстве с противником обогащался боевой опыт. Наряду с авиацией огневую поддержку мотострелкам и танкистам чаще стали оказывать минометные подразделения. Эффективность их использования в условиях гористой и труднопроходимой местности предопределила оснащение этим видом вооружения каждой мотострелковой роты и батальона. Возросла роль оперативной и тактической разведки. Совершенствовались способы ее ведения группами специального назначения, которые также привлекались для решения диверсионных задач. Скрытно и бесшумно преодолевая горно-пустынную местность, активно используя вертолеты, эти группы скоро стали грозной силой в борьбе с бандформированиями. Одной из таких групп под командованием старшего лейтенанта В. Боева было уничтожено два склада оружия и боеприпасов. В ходе боев широко применялись не только дивизионная, но и армейская артиллерия. Так, в провинциях Фарах и Кандагар она поддерживала огнем рейдовые

отряды. Во многом благодаря этому значительно возросла эффективность действий общевойсковых подразделений. При проведении операций в провинции Бадахшан огромный урон противнику нанесли реактивные дивизионы и батареи.

<<

1

2

3

4

>>

О применении авиации в условиях Афганистана следует сказать особо. Ее сила заключалась в точных и последовательных ударах. На задания вылетали, как правило, парами, реже — звеньями. При приближении к указанному району экипажи получали ориентировку от руководителя оперативной группы, а непосредственное целеуказание и управление воздушной группой в районе цели осуществлял авиа наводчик. Именно тогда стал широко применяться способ поражения точечных целей с воздуха, когда наводка выполнялась с бортов вертолетов неуправляемыми реактивными снарядами (НУРС) или дымовыми шашками. Это позволило значительно облегчить работу истребительно-бомбардировочной авиации. Успешной борьбе с бандформированиями способствовало и своевременное обеспечение разведанными вышестоящих штабов для постановки задач авиачастям на нанесение ударов. Это дало возможность провести ряд массированных ударов истребительно-бомбардировочной авиацией и вертолетами по бандформированиям в провинции Фарах. С 8 по 17 мая было совершено более 250 боевых вылетов по местам скопления боевиков велся интенсивный огонь, были применены бомбы крупного калибра.

Всего в начале весенне-летнего периода авиация совершила 8029 боевых вылетов. Уничтожено было 366 опорных пунктов, 240 огневых точек, 43 автомашины, 13 штабов, 3 БТР, 95 крепостей, 2 лагеря бандформирований, 6 караванов с оружием, 8 палаток с боеприпасами.

С накоплением опыта ведения боевых действий росла эффективность применения авиации в ходе патрулирования и досмотра караванов. Для этой цели в воздух поднимались две пары вертолетов Ми-8. Одна из них высаживала досмотровую группу, другая прикрывала ее с воздуха. Продуманное применение сил и средств, широкое использование точечных ударов значительно сократили ущерб мирному населению. Гуманные действия войск не остались незамеченными.

Население освобожденных районов приветствовало советские войска красными флагами, как это имело место в провинции Нангархар.

Нельзя сказать, что успехи давались нам легко. Боевого опыта вместе с нами набирался и противник. Он научился блокировать горные перевалы, ключевые дороги и мосты. Его отряды искусно использовали для маскировки и засад укрытия из камней и скал, умело оборудовали позиции для минометов, пулеметов и даже артиллерии. Широко использовались заранее подготовленные долговременные огневые точки. Так, в ходе операций под Фарахом было обнаружено 28 бетонных колпаков и оборудованных под доты пещер, а в районе Файзабада на высоте 2700 метров, таких сооружений оказалось более сотни.

Главной тактикой противника оставалась внезапность. Чаще всего нападения совершались в темное время суток, спустя один-два часа после наступления темноты. Бандиты не брезговали диверсиями, откровенно терроризировали местное население. Врываясь в населенные пункты, они расстреливали и вешали представителей местной власти, бесчинствовали. В ряде районов Афганистана не давали возможности крестьянам работать на земле и доставлять продовольствие на территории, контролируемые правительством.

Уходя от прямого столкновения с советскими и афганскими частями, бандформирования нападали на аэродромы, подрывали трубопроводы, линии электропередач и хозяйственные объекты.

Минная война шла в провинциях Нантархар, Кунар, Бадахшан, Фарах, и Тахар. Только в мае 1980 года на дороге Кабул — Джелалабад было совершено 5 диверсий. Наши войска понесли потери. Участились нападения на важнейшие транспортные магистрали. 13 мая на дороге Шинданд — Кандагар была обстреляна колонна машин, ранено 8 человек. Там же несколько дней спустя попал под огонь автомобильный батальон. Два солдата погибли, трое были ранены.

Легкой добычей боевиков становились одиночные машины. В середине июня при следовании из Джабала-Уссарадж был подбит БТР-60, погибли заместитель командира батальона и водитель. Упорство и ожесточенное сопротивление боевиков росло. Не случайно, что только за один день боев в провинции Кунар наши части потеряли 88 человек. Противник разбивал свои отряды на мелкие группы, которые легко уходили от преследования. Получив достойный отпор, они тут же отходили в горы, перегруппировывались и атаковали снова. Имели место неоправданные потери с нашей стороны. Вызваны они были в основном снижением бдительности, нарушением дисциплины, уставов. Нередко военнослужащие, самовольно выходящие за пределы части, попадали в плен и подвергались издевательствам. В 66-й бригаде в 1980 году по этой причине погибло 6 человек.

Подобные случаи были не часты. Солдаты и офицеры проявляли патриотизм и ответственность, стойкость и мужество. Так, в районе Джелалабада корректировщик огня лейтенант С. Фесенко, когда противник попытался захватить наблюдательный пункт, вызвал огонь на себя.

«Радость и грусть одновременно были, когда в марте уходили от нас приписники. Части-то доукомплектовывались за счет призванных из запаса. У многих семьи были, дети. Ночью на постах стояли только они. Чувство ответственности и чувство самосохранения было у них очень сильно развито. С такими солдатами служить — горя не знать. Поклоны им, первым, за их солдатский труд от меня, командующего», — вспоминал Ю. В. Тухаринов.

«С весны в воинские части 40-й армии стали приезжать делегации. Гости из Советского Союза интересовались армейскими делами, бытом солдат, старались привнести много хорошего. Дарили подарки, оказывали продовольственную помощь, артисты выступали с концертами. Стали приезжать журналисты. Потом побывали режиссеры кино и театра, сценаристы, писатели.

Одним из первых приехал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Он встречался с активистами демократической молодежи Афганистана. Побывал в частях 40-й армии, внимательно выслушивал солдат и офицеров, вручал подарки. Мне тогда вручил часы «За мужество и отвагу». Побывал в Кабуле также летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации П. И. Климук. Он активно посещал как воинские части, так и различные общественные афганские организации и культурные учреждения.

Первым из артистов приехал Иосиф Кобзон. С КПП звонит: «Товарищ командующий, рядовой Кобзон прибыл в ваше распоряжение.» А где давать концерт? Помещений нет. Вырыли прямо на склоне горы сиденья, поставили внизу две машины бортами друг к другу. Амфитеатр — и только. Кобзон начал петь — и вдруг дождь. Мы сидим, не уходим. Артист смотрит на нас — и тоже не уходит. Потом пиджак снял, его говорит беречь надо, и начал петь. Потом дождь перестал и мы высохли. А он все пел и пел».

После концерта побывал И. Кобзон в воинских частях, общался с личным составом, открытый, простой человек. Уважительно относился к армейскому командованию. Вспоминаю, что уже намного позже, в середине восьмидесятых годов, в Берлине, на 23 февраля И. Кобзон давал концерт для военнослужащих ГСВГ, так там мы вновь повстречались, он был очень приветлив.

Приезжал народный артист А. Баталов с группой культурных деятелей. Рассудительный такой. Интересовался военной обстановкой. Много рассказывал, рассуждал.

Затем на меня вышли представители союза кино. Сначала провели предварительные переговоры, побывали в Кабуле, а потом решили снимать художественную картину. Название было «Жаркое лето в Кабуле». Режиссер Али Хамраев. Я был военным консультантом фильма. Правда некоторые кадры потом убрали с пленки, почему-то не все понравилось. А. Хамраев привлек на съемки известного тогда народного артиста СССР О. Жакова. Мы встречались с ним несколько раз. В свои семьдесят лет он выглядел очень хорошо. Веселый такой, рассказывал разные истории, анекдоты любил. Компания с ним не грустила. Из известных артистов в группе принимал участие Н. Оляин.

Летом и осенью 1980 года к нам в части уже стали планировать посещения различные культурные группы, вокально-инструментальные ансамбли. Туркестанский округ создавал свой актив культурно-массовой работы и музыкальные ансамбли. Эта работа тоже была нужна. Жизнь есть жизнь, и на войне иногда хочется услышать музыку».

Тем временем воинские части армии приступили к проведению летних боевых операций при температуре в 40 градусов и более. Это было очень трудное время.

В июле начались новые операции под Хостом и Гардезом. Сопротивление моджахедов постоянно расширялось. Различные советские акции были не полностью успешными. Во время первого наступления в Пандшере афганские правительственные войска при поддержке советских континентов попытались уничтожить в Пандшерской долине особо упорные группировки сил сопротивления. Были задействованы 6 тыс. человек с тяжелым оружием и поддержкой с воздуха (бомбардировщики и вертолеты). Через 14 дней операцию пришлось прекратить, так как она поглощала много сил и не дала устойчивого результата. Сопротивление было в высшей степени мобильным и организованным в виде маленьких групп, что серьезно затрудняло разгром противника. В результате крупных поражений противника кабульского режима, весной 1980 года активность моджахедов по ведению открытых боевых действий значительно снизилась.

Вооруженная оппозиция стала уходить от прямого столкновения с войсками и перешла к тактике засад, террора и диверсионным действиям, особенно на трудно проходимых участках дорог, долин, а также в населенных пунктах широко применяла маневрирование. Для осуществления дальнейшей эффективной борьбы с новой тактикой противника советским командованием был создан специальный воинский отряд «Каскад» и разработан план боевых действий этого отряда на территории Афганистана.

Из воспоминаний помощника командира «Каскада» по информационной работе Гришина:

— К лету 1980 года, потерпев ряд крупных поражений, противники нового режима в ДРА перешли к тактике партизанской войны. Акцент был сделан на действие небольших, мобильных (до 20-30 человек) бандформирований, основной задачей которых стало активное противодействие созданию и укреплению народной власти на местах, проведение диверсионно-террористических акций против правительственных войск и подразделений советской армии, создание альтернативных органов власти и управления на контролируемой противником территории. Стало очевидным, что в условиях слабости нового режима нормализация обстановки в Афганистане, раздираемом межэтническими и межрелигиозными противоречиями при поддержке извне, будет носить затяжной характер. Противостоять подобным устремлениям противника, а вернее, научить самих афганцев действовать в изменившихся условиях и был призван отряд «Каскад».

Летние, а затем осенние боевые операции 1980 года стали подтверждать, что предстоит длительная вооруженная борьба с противником кабульского режима.

Очень хорошо, что основной массы военнослужащих не коснулось ожесточение и равнодушие. В нечастые паузы между боевыми действиями они продолжали жить интересами обычных людей — общались с друзьями, пели песни, смотрели кино в походных кинопередвижках, вели переписку с родными и близкими, жили событиями в Афганистане, у себя на Родине.

При проведении боевых операций командующий 40-й армии, генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов с группой генералов и офицеров тщательно планировал оперативно-стратегические и тактические замыслы. Составлялись карты, подробнейшим образом описывалась специфика местности, вносилась различная дополнительная информация.

Генерал армии Ю. П. Максимов, в то время командующий войсками Туркестанского военного округа, так характеризует первого командира 40-й армии: «Генерал Тухаринов в войсках работает много и конкретно. В сложной обстановке ориентируется быстро, действует уверенно. Решения принимает смелые и обоснованные. Технику и вооружение знает, умело использует их в бою. Осуществляет твердый контроль за своевременным исполнением приказов, распоряжений. Высокую требовательность сочетает с заботой о людях».

40-я армия стала большой школой для командиров. Очень многие офицеры и генералы сухопутных войск получили в Афганистане боевую закалку.

Боевая деятельность в Афганистане потребовала от командования 40-й армии и Туркестанского ВО самого серьезного отношения к вопросам подготовки войск и их всестороннего обеспечения при ведении боевых действий.

Правительством СССР был поднят статус по управлению войсками, находящимися в Афганистане. В июне 1980 года генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов принимает специальную должность — Уполномоченного Правительства СССР по делам временного пребывания советских войск в Демократической Республике Афганистан. Исполняет эти обязанности до июля 1981 года.

23 сентября 1980 года генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов передает командование армией генералу Б. И. Ткачу и вновь возвращается на должность первого заместителя командующего Туркестанского военного округа.

В течении 1981-1982 годов является руководителем оперативной группы округа по вопросам, связанным с Афганистаном. За проведенную работу генерал Ю. В. Тухаринов был награжден орденом «Октябрьской революции» и присвоено звание генерал-полковник.

В 1983 году генерал-полковник Ю. В. Тухаринов заканчивает службу в Туркестанском военном округе. «Афганские» проблемы переходят к другим военачальникам.

Генерал-полковник Ю. В. Тухаринов назначается на ответственный пост в ставку главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора. В течении семи лет Ю. В. Тухаринов находится на передовом рубеже противостояния с НАТО.

В начале 1990 года болезнь вынудила Юрия Владимировича проститься с армией. В отставке генерал-полковник Ю. В. Тухаринов, несмотря на тяжелый недуг, энергично боролся против нападков, клеветы в адрес солдат и офицеров, честно и мужественно выполнявших приказы Родины в Афганистане.

Заключение.

Советские войска в Афганистан были введены для оказания военно-политической помощи новому демократическому правительству республики. Через тринадцать лет после окончания военных действий не рассекреченными остаются важнейшие документы по Афганистану.

Существует версия, что проникновение в Афганистан — это часть секретного плана советской военной доктрины по утверждению своего влияния в Юго-Восточной и Западной Азии, районе Индийского океана и Персидского залива. Подтверждением этой версии были ответные действия стран капиталистического мира: США, Англии, Пакистана, государств арабского востока.

Известная фраза президента США Дж. Картера: «Мы находимся накануне рывка советских войск к нефти Персидского залива», заставила привести в боевую готовность многочисленные военные контингента союзнических стран в этом регионе.

С 1980 года усилиями администрации США было форсировано наращивание американского военного присутствия в Юго-Западной Азии.

К концу 1982 года было объявлено о создании объединенного центрального командования вооруженных сил США, располагающего 250-тысячной группировкой войск.

В сферу «ответственности» нового командования вошел обширный регион, включающий территории государств: Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Оман, Египет, Сомали, НДРЙ, а также значительная часть Индийского океана, в том числе Персидский залив, Красное море.

Морские воды бороздили 21 боевой корабль США, а также 2 несущих авианосца...

В противовес советское военное командование держало на территории Туркестанского и Среднеазиатского военных округов до 400 тысяч хорошо вооруженных войск, включая и 40-ю армию в Афганистане.

Подобная военная эскалация была впервые после второй мировой войны и могла привести к серьезному военному конфликту.

Разрешение вопроса могло произойти только политическими методами. Дальнейшая история показала, что восторжествовало разумное и демократическое решение.

40-я армия стала большой школой для командиров. Очень многие офицеры и генералы сухопутных войск получили боевую закалку в ДРА. Боевая деятельность в Афганистане потребовала от командования 40-й армии и Туркестанского ВО самого серьезного отношения к вопросам подготовки войск и их всестороннего обеспечения при ведении боевых действий.

Главным испытанием в жизни Ю. В. Тухаринова был Афганистан. Кто, как не он понимал и видел, как нелегко доставался войскам опыт ведения боевых действий в ДРА.

Вспоминает генерал-полковник Ю. Тухаринов:

«Большая благодарность всем командирам, политработникам, начальникам управлений, отделов и служб, офицерскому и личному составу соединений и подразделений 40-й армии за самоотверженную воинскую службу. Будучи командующим армией и руководителем оперативной группы округа, я был в постоянном контакте с генералами Б. И. Ткачем, В. Ф. Ермаковым, Б. В. Громовым, И. Ф. Рябченко, П. С. Грачевым, А. Е. Слюсарем; командирами бригад и полков Е. И. Мещеряковым, В. Е. Высоцким, В. Л. Неверовым, И. Е. Пузановым, В. С. Котом, В. Е. Павловым; начальниками штаба армии В. А. Панкратовым, Н. Г. Тер-Григорьянцем; политработниками А. В. Таскаевым, Н. Л. Моисеевым, А. И. Овчинниковым, Л. Б. Серебровым, В. К. Павлюченко, А. Опариным и многими другими.

Под руководством командующего войсками Туркестанского военного округа генерала армии Ю. П. Максимова осуществлялась целенаправленная работа по дальнейшему совершенствованию боевой, мобилизационной готовности войск, боевому слаживанию частей и соединений.

Служба проходила с такими генералами и офицерами, как член Военного совета В. С. Родин, начальник штаба округа Г. Ф. Кривошеев, Ю. А. Гусев, командующий авиацией, РВ и артиллерией и ПВО Н. К. Мартынюк, А. Н. Лебедев, Б. В. Духов, заместитель командующего войсками округа по боевой подготовке И. Е. Бобров, по вооружению А. Я. Головин, начальник разведуправления округа А. А. Корчагин, заместитель командующего по вузам Г. П. Стрельцов и др.

Проводилась большая работа по обустройству войск на территории округа. При строительстве новых военных городков, предприятий, складов и т. д. отличились военные строители под руководством К. Ф. Погорелова и В. М. Любимова.

С благодарностью вспоминается воинская служба в Афганистане под руководством Оперативной группы министерства обороны во главе с Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым.

Продолжительное время в составе Оперативной группы находились Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, маршал авиации А. П. Силантьев, генерал-полковник В. А. Меримский — видные советские военачальники. На долго запомнилась мне и совместная работа с генералами армии А. С. Майоровым, М. И. Сорокиным, Г. И. Салмановым, выполнявшими обязанности главных военных советников в ДРА и приложивших немалые усилия для укрепления афганской армии.

Постоянное внимание положению дел в войсках Ограниченного контингента уделяли министр обороны Д. Ф. Устинов, начальник Генштаба И. В. Огарков, строго спрашивая за своевременное выполнение указаний и директив».

Война в Афганистане не имела победителей. Эта война не решила политической задачи, которую ставили советские политики. На то были свои причины. В военном же отношении СССР приобрел боевую 40-ю армию, постоянно совершенствовавшую свою подготовку.

40-я армия полностью выполнила поставленные перед ней задачи по охране экономически важных для страны объектов, явилась сдерживающим фактором в сложной внутривнутриполитической обстановке. Политиками не был решен вопрос общегражданской жизни в Афганистане.

Было очевидно, что одними военными действиями, без проведения социально-экономических и политических преобразований в стране проблемы не решить. Оказалось, что данная политическая система не является прогрессивной и не принесет стабилизации общества. Командование войсками Туркестанского военного округа уже тогда видело многие проблемы. Так, командующий войсками округа генерал армии Ю. П. Максимов неоднократно докладывал министру обороны Д. Ф. Устинову, что «...идти на увеличение контингента и расширение действий наших войск нельзя. Это приведет к дальнейшей эскалации боевых действий и обратным результатам. Может привлечь широкие народные массы на сторону мятежников на базе религиозных, националистических чувств и усиления антисоветских настроений и враждебности к нашей армии. А с народом воевать бесперспективно».

В ответ военному руководству округа приходило указание об усилении помощи афганской стороне в стабилизации обстановки и активизации боевых действий против оппозиции.

Очень точно выразил итоги войны в Афганистане командующий войсками Туркестанского военного округа генерал армии Ю. П. Максимов: «Для 40-й армии, округа и в целом Советских Вооруженных Сил афганская война была крайне тяжелой ношей на протяжении долгих девяти лет, вырывая из строя молодые жизни наших воинов, требуя огромных материальных затрат, ломая и калеча жизненные и моральные устои многих людей».

Находясь в Афганистане, личный состав 40-й армии достойно выполнял свой воинский и патриотический долг, мужественно и с честью решая все поставленные задачи по оказанию помощи в борьбе с вооруженными отрядами мятежников и предотвращению агрессии извне. И не вина частей 40-й армии, что добытые нелегкой ценой боевые успехи в вооруженной борьбе с мятежниками не закреплялись усилиями кабульского режима».

Воины 40-й армии проявляли героизм и отвагу в ходе боевых действий. Примеров мужества и героизма, высоких воинских и нравственных качеств было множество. Подавляющее большинство воинов с честью выполнили свой воинский, патриотический и интернациональный долг в Афганистане, достойно представляли народы своей страны и ее вооруженных защитников.

Вечная память погибшим, потерявшим здоровье патриотам и честным воинам.

Р. S. Прошли годы. Скончался 20 декабря 1998 года Юрий Владимирович, нет в живых Людмила Петровна Тухариновой.

Похоронены они в вятской земле Кирова. К 20-летию ввода войск в Афганистан в Кирове (г. Вятка) открылась экспозиция, посвященная первому командующему 40-й армии генерал-полковнику Ю. В. Тухаринову.

Для многих горожан стало откровением, что знаменитый генерал-«афганец», оказывается, их земляк и долгие годы жил и работал в их городе.

По решению городской администрации выставка разместилась в здании музея авиации и космонавтики, где более 30 лет до этого проживала семья Тухариновых. Для того чтобы выставка состоялась, немало потрудились журналист Ю. Карачаров, директор музея авиации и космонавтики М. Глушкова, вятский художник, член союза художников России А. Велик, семья Тухариновых. В открытии постоянной экспозиции приняли участие ветераны, сослуживцы, родные и близкие генерала, ветераны Кировского и Нововятского отделения Совета ветеранов войны в Афганистане (председатель В. Мышкин), представители облвоенкомата, городского отделения культуры, районного отдела образования, Кировского военного авиационно-технического училища, местных школ и СМИ.

Душа у многих людей по-прежнему болит Афганистаном...

Огромное спасибо от семьи Тухариновых всем ветеранам, вспоминающим о совместной службе, а также принявшим участие в организации музея, посвященного памяти генерал-полковника Ю. В. Тухаринова в г. Кирове. Благодарим бывшего Главнокомандующего Стратегических Сил России Героя Советского Союза генерал армии Ю. П. Максимова, бывшего первого заместителя начальника погранвойск КГБ СССР Героя Советского Союза генерал-полковника И. П. Вертелко, начальника управления армейской авиации РФ Героя Советского Союза В. Е. Павлова, Героя Советского Союза В. А. Ульянова, бывшего Главного инспектора Сухопутных войск МО СССР генерал-полковника Н. И. Лапыгина, генералов Г. Г. Кондратьева, Э. Воробьева, И. Е. Пузанова, И. В. Фуженко, Ю. В. Шаталина, В. И. Миронова, А. В. Терентьева, В. Ф. Ермакова, А. И. Овчинникова, Б. П. Шейн, Е. В. Высоцкого, Г. Ф. Кривошеева, А. П. Горбачева, А. Е. Рубинчика, В. Ф. Корочкина, Ю. Н. Первова, Б. Н. Анненкова, Р. В. Булаткина, Е. Г. Никитенко, Б. Н. Гормылева, В. А. Богданова, Г. П. Кашуба, Г. А. Кочурова, А. П. Плохих, В. А. Офицерова, А. А. Корчагина, А. И. Макраус, Ю. И. Дук и многих других.

Благодарим генерал-полковника Б. В. Громова, написавшего книгу «Ограниченный контингент», в которой много раз показывал деятельность командарма Ю. В. Тухаринова, это остается в памяти многих поколений.

Благодарим генерала армии М. А. Гареева в своей книге «Афганская страда», рассказавшего о трудном периоде ввода войск в Афганистан. Особая благодарность коллективу редакции журнала «Партнер-регион» и лично редактору А. М. Стасовскому, редакции газеты «Красная Звезда», редактору отдела газеты А. Н. Почтареву, много раз размещавших в своих изданиях материалы о генерал-полковнике Ю. В. Тухаринове.

Благодарим коллектив «Военно-исторического журнала», также разместивший «Записки командарма Тухаринова».

Отдельно хочется рассказать о большой и плодотворной работе ветерана-«афганца», бывшего руководителя Кировской области, журналиста Карачарова Юрия Григорьевича. Он реально помогает региональному обществу ветеранов-«афганцев». Выступает в областных и центральных изданиях. Осуществил консультацию книги «Секретный Командарм». Сам Ю. Г. Карачаров пребывал в Афганистане в качестве политического советника Б. Кармаля в течение двух лет. Видел все своими глазами, ощущал на себе все проблемы сложной политической обстановки в этой мусульманской стране.

Военные события в Афганистане не забываются ветеранской общественностью, молодежью. Всегда обширную программу мероприятий, посвященную памятным датам в Афганистане, проводит Всероссийское общественное движение ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство», которое возглавляет бывший командарм легендарной 40-й армии Герой Советского Союза генерал-полковник Б. В. Громов. Также в руководстве этого движения находятся известные «афганцы»: генералы Л. Б. Серебров, В. К. Павлюченко. Активную деятельность проводят президент Союза предприятий «группа Р» Д. Саблин, руководитель Московского областного отделения «Боевое братство» С. Князев.

С 1991 года целенаправленную работу ведет комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств СНГ, возглавляемый Героем Советского Союза Р. С. Аушевым. Комитет занимается реализацией межгосударственной комплексной программы охраны здоровья, реабилитации, розыском пропавших и освобождением военнопленных, обеспечением правовой защиты ветеранов.

Уже много лет действует движение Российский Союз ветеранов Афганистана (РСВА), возглавляемый Ф. А. Клинецвичем. Ведется постоянная работа с региональными организациями. В стадии проработки находятся множество вопросов, в частности, перспектива создания Московского центра реабилитации ветеранов локальных войн и военных конфликтов, совместный проект РСВА и Регионального русского общественного фонда инвалидов войны в Афганистане, руководитель А. М. Ковалев, строительство общероссийского памятника погибшим воинам-интернационалистам.

Большую работу проводят региональные объединения организаций ветеранов локальных войн и военных конфликтов Герой Российской Федерации Д. Ларин, И. Спасибо, Д. Попов, А. Грищенко, Л. Логунов, С. Опалев, В. Галь, Ю. Шаманов, А. Клевцов, Т. Махмутов, С. Гусев, А. Еремеевский и др.

С помощью такого крупного актива ветеранских организаций проводятся фестивали солдатской песни, фотовыставки, рассказывающие о нелегких буднях советских солдат за Гиндукушем. Семьям павших воинов организации «афганцев» оказывают материальную помощь, инвалидам оказывается постоянное внимание, трудоустраиваются ветераны на работу. Регулярно проводятся спортивные мероприятия. Почти в каждом крупном городе работает музей, посвященный событиям в Афганистане. В Москве, в С. Петербурге, других городах в памятные даты проходят митинги, возложение венков и цветов к могилам павших.

Вот что сказал командующий 40-й армии генерал-полковник Ю. В. Тухаринов своему сыну:

«Всем советским офицерам и генералам моей 40-й армии и многим другим офицерам различных родов войск, лично кто принимал участие в военных действиях и обеспечивал их подготовку, а также различному вспомогательному персоналу от меня низкий поклон».

Забывать те события не позволят десятки тысяч наших сограждан, которые прошли пыльными дорогами той долгой и трудной войны. Их ветеранские организации живут и действуют. Проводят встречи и слеты, фестивали и спартакиады, возводят памятники и обелиски, создают музеи и книги. Словом, делают то, что оставляет благодатный след в сердцах нынешних и будущих защитников Отечества.

Примером может служить работа Кировского отделения Российского союза ветеранов войны в Афганистане, которое возглавляет депутат Государственной Думы В. Климов. Благодаря

стараниям его актива в начале февраля 1999 года, накануне 10-летия со дня вывода советских войск из ДРА, в Нововятском районе Кирова открылся музей, посвященный Кировчанам, воевавшим в Афганистане и Чечне.

В центре музея — панно художника А. Вылегжанина: солдаты, уходящие в горы, многие из которых уже не вернутся. Тут же «афганские» листовки, береты и форма, личные вещи Героя Советского Союза А. Опарина, генеральский мундир первого командующего 40-й армией Ю. В. Тухаринова. Создание музея стало возможным благодаря участию и поддержке «афганцев» со стороны губернатора области В. Сергеевкова, мэра города Кирова В. Киселева.

Рядом — графика, отражающая возрождение жизни после смерти, — изображение Богородицы, распятого Иисуса Христа и Иоанна Крестителя. А под ней — кружка с кусочком черного хлеба...

Святая память — светлая память.

Приложение

Трудовая деятельность и военная служба в Вооруженных Силах СССР

Тухаринова Юрия Владимировича

02.1943-08.1946 г. — г. Киров (областной). Ученик, фрезеровщик Машиностроительный завод им. 1 мая.

08.1946-10.1949 г. — г. Саратов. Курсант. Саратовское пехотное училище.

10.1949-01.1954 г. — Командир пулеметного взвода 51 гв. механизированный полк 15 гв. механизированной Ровенской дивизии. лейтенант. Белорусский В. О.

01.1954-06.1958 г. — Командир стрелковой роты 15 гв. мех. дивизии, ст. лейтенант. Группа Советских войск в Германии.

06.1958-08.1959 г. — Зам. командира батальона 15 гв. мех. дивизии. Капитан. Группа Советских войск в Германии.

08.1959-08.1963 г. — Слушатель Военной академии им. Фрунзе. Майор. г. Москва.

08.1963-11.1965 г. — Зам. Командира полка 112 гв. мотострелковой Звенигородской дивизии, майор. Киевский В. О.

11.1965-08.1967 г. — Командир 426 гв. полка 25 гв. мотострелковой дивизии, подполковник. Киевский В. О.

08.1967-08.1969 г. — Слушатель Военной академии Генерального штаба ВС СССР, подполковник. г. Москва.

08.1969-07.1972 г. — Начальник 1 отдела оперативного управления штаба Заб. В. О. полковник. г. Чита.

07.1972-04.1974 г. — Командир 150 дивизии Заб. В. О. генерал-майор, г. Борзя.

04.1974-01.1976 г. — Первый зам командующего член Военного Совета 29 армии. Генерал-майор. Заб. В. О., г. Улан-Уде.

01.1976-09.1979 г. — Командующий 29 армии. Заб. В. О. Генерал-лейтенант. г. Улан-Удэ.

09.1979-02.1980 г. — Первый зам. командующего войсками и член Военного совета Туркестанского В. О. г. Ташкент. Генерал-лейтенант.

02.1980-09.1980 г. — Командующий 40-й армией. Генерал-лейтенант. г. Кабул. Афганистан.

09.1980-11.1983 г. — Первый зам. командующего войсками и член Военного Совета Туркестанского В. О. г. Ташкент. Генерал-полковник.

11.1983-01.1990 г. — В группе представителей Главного командования Объединенных Вооруженных Сил государств-участников Варшавского договора в народной армии ГДР. г. Берлин. Генерал-полковник.

01.1990 г. — Выход в отставку по состоянию здоровья.